

Отъ Владимира - 21 Января 1896 год.
изъ
Москвы.

КОЕ-КТО.

~~С. С.~~

4050

КОЕ - ЧТО

~~283~~
~~2914~~

Кав 14229

~~12364~~

~~Р 57к~~

~~конт. 251.~~



Кав - ~~1295~~ ~~1241~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 января 1895 г.

Типографія А.С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

СОДЕРЖАНИЕ

Зубная боль	2
Ночная смѣна	7
Диссертація	16
Судьба	22
Щука	25
Курганъ.....	30
Дуэль	35
Скряга	49
На лабазѣ	55
Пьеса въ пьесѣ	63

Зубная боль

Болѣли ли когда у васъ зубы? Страшно, сильно, невыносимо? Вотъ точно такимъ образомъ у меня разболѣлись зубы и въ самое неурочное время — въ одиннадцатъ часовъ вечера, когда я только-что собрался лечь спать, и когда въ томъ маленькомъ приморскомъ городишкѣ, гдѣ я временно жилъ, всѣ давно уже покоились мирнымъ сномъ. Нужно сказать, что жители этого города, кромѣ своей непохвальной привычки драть съ пріѣзжихъ втридорога, имѣли еще гнусную привычку ложиться съ закатомъ солнца и, что еще гнуснѣе, спускать на ночь собакъ, такъ-что отыскать ночью доктора было просто подвигомъ, такъ какъ, не говоря уже о собакахъ, почтенный или не почтенный эскулапъ, въ самомъ лучшемъ исходѣ, принялъ бы васъ за бродягу и, если бы не всадилъ вамъ добрый зарядъ въ затылокъ, или куда тамъ, то навѣрное, несмотря на ваши протесты, избилъ бы палкой.

Сначала я думалъ, что мгновенно начавшаяся боль также и пройдетъ мгновенно, но не тутъ-то было — проклятый зубъ дергалъ, нылъ, болѣлъ и все хуже и хуже. Оставалось прибѣгнуть къ домашнимъ средствамъ, но напрасно теръ я себѣ щеку, билъ кулакомъ въ зубы, ложился поперекъ кровати, ложился наискось — ничего не помогало.

Пробовалъ класть ноги на подушку, а голову помѣщать туда, гдѣ должны были быть ноги, четыре раза залѣзалъ подъ кровать, пять разъ запиралъ себя въ платяной шкафъ, избилъ до полусмерти кота, танцевалъ бѣшенный галопъ, фанданго, качучу, камаринскую, — все напрасно: зубъ нылъ безбожно, дьявольски.

Наконецъ, я взобрался на шкафъ, но оттуда тотчасъ же съ воемъ сбросился внизъ. Оставалось послѣднее средство, къ которому, говорятъ, съ успѣхомъ прибѣгаютъ больные, одержимые зубною или какою другою болью, — это взлѣсть на стѣнку, что я и принялся исполнять; но, несмотря на мои

неимовѣрныя усилія, этого мнѣ не удалось, и, разбивъ въ дребезги кругленькій ночной столикъ, я, какъ безумный, въ одномъ бѣльѣ, вспрыгнулъ на подоконникъ, оттуда соскочилъ на улицу и понесся, какъ ураганъ.

Сбросивъ по пути съ тротуара двухъ какихъ-то бродягъ, перелѣзъ черезъ подвернувшійся заборъ и, не разбирая пути, несся по саду. Преградъ для меня не существовало. Но вотъ мгновение — и я съ страшной силой ударился о дерево и растянулся, но сейчасъ же вскочилъ и, не отдавая себѣ отчета, взобрался на него и усѣлся на сукахъ. Отъ удара, или отъ чего другого, но боль вдругъ утихла и я опять началъ познавать прелести жизни и ощутительный ночной холодъ. Я хотѣлъ-было спуститься, но вдругъ къ дереву подошли двѣ какія-то подозрительныя личности съ фонаремъ и остановились, о чемъ-то горячо разсуждая. Приходилось ждать. Я сталъ прислушиваться, но, кромѣ имени «Манечки» и какого-то «Евгенія», ничего не могъ слышать.

Вдругъ зубъ дернуло, защемило и адская боль мгновенно уничтожила у меня всякій разсудокъ. Я взвылъ и со словами: «какая тамъ Манечка? что вы врете! а-ахъ!» ринулся съ дерева и, раскидавъ обоихъ, понесся дальше. Но, къ несчастью, двѣ послѣднія жертвы обладали зычными голосами и стали звать на помощь, и я скоро замѣтилъ, что навстрѣчу мнѣ бѣжали люди и собаки. Но не поздоровилось и имъ. Отшвырнуть одного, дать кулакомъ куда-то другому и откинуть ногой вмѣстѣ съ кускомъ рубашки собаку было дѣломъ одной минуты.

Садъ кончился и, перелетѣвъ черезъ ограду, я пустился по улицѣ. Но усталость взяла свое и я прислонился щекой къ одному дому. «Когда же пройдетъ эта дьявольски-длинная ночь?!» думалъ я, трясъ щекой о штукатурку дома. — «Когда же? Проклятый городъ! Ничего тутъ не достать, ничего не найти. Ыхъ! ыхъ!» и въ раздраженіи я нагнулся, схватилъ нѣсколько каменьевъ и сталъ утѣшать себя бомбардировкой обывательскихъ домовъ.

Звукъ разбиваемыхъ стеколъ и поднявшійся неистовый лай собакъ, тщетно старавшихся проникнуть на улицу черезъ запертыя ворота, пріятно дѣйствовалъ на мои нервы и боль стала какъ будто утихать. Но, къ сожалѣнію, бомбардировку пришлось скоро прекратить, такъ какъ поднялась страшная тревога, крики, визгъ, и всюду замелькали огни. Прямо надо мной даже высунулась изъ разбитаго окна голова какого-то смѣльчака со свѣчей въ рукахъ, и я, пустивъ послѣдній камень въ эту глупую голову, бросился бѣжать.

Выражаясь морскимъ языкомъ, я бѣжалъ со скоростью четырнадцати узловъ въ часъ и, благодаря этому, скоро совсѣмъ пересталъ слышать шумъ погони и очутился въ какой-то трущобѣ, гдѣ, насколько могъ различать глазъ, кромѣ каменныхъ заборовъ, ничего не было видно. Во время своего бѣгства я съ радостью убѣдился, что боль утихла. Присѣвъ подъ заборъ, я все-таки нѣкоторое время со страхомъ прислушивался, не дернетъ ли зубъ опять, но

нѣтъ — я дотронулся до него пальцемъ и вызвалъ только маленькую боль, которая сейчасъ же прекратилась.

Успокоившись на этотъ счетъ, я сталъ подумывать объ обратномъ путешествіи; но какъ осмѣтръ мѣстности, такъ и чесаніе въ затылкѣ, употребляемое, какъ извѣстно, въ затруднительныхъ случаяхъ, ни къ чему не привели. Пришлось дѣйствовать наугадъ; опредѣливъ приблизительно мѣстонахождение своего жилища, я пошелъ путаться переулками, закоулками, перелѣзалъ черезъ какія-то изгороди, нѣсколько разъ подвергался нападенію собакъ, причеъ оставилъ имъ на память почти всѣ остатки своего и безъ того скуднаго туалета. Наконецъ, свалившись раза четыре въ какія-то неизвѣстно для чего вырытыя ямы, весь исцарапанный, искусанный, въ грязи, добрался до своего одиноко стоявшаго жилища, юркнулъ въ окно, заперъ его и бросился на кровать. Оказалось, что старикашка Морфей давно уже меня ждалъ, такъ какъ едва я дотронулся головой до подушки, какъ сейчасъ же очутился въ его крѣпкихъ объятіяхъ.

Проснулся я довольно поздно и первая мысль была о зубѣ — онъ не болѣлъ. Но только-что я кончилъ одѣваться, только-что успѣлъ надѣть шляпу, чтобы идти пить кофе въ ближайшій ресторанъ, какъ зубъ дернуло, защемило и все пошло по старому. Сдѣлавъ по комнатѣ нѣсколько пируэтовъ, я, наконецъ, кое-какъ овладѣлъ собой, вышелъ на улицу и у перваго попавшагося спросилъ о зубномъ врачѣ. Тотъ указалъ мнѣ чуть не на конецъ города. Я крикнулъ возницу, позабывъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, этотъ классъ людей считаетъ своею непремѣнной обязанностью отсутствовать, когда ихъ именно нужно. Пришлось идти пѣшкомъ, и я, насколько позволяла боль, принялъ самый равнодушный видъ — мнѣ казалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ на меня подозрительно, и я ничуть не былъ бы удивленъ, если бы кто-либо схватилъ меня за шиворотъ и сказалъ: «Вотъ, держите буяна». Я даже одинъ разъ остановился передъ магазиномъ, какъ будто рассматривая выставленную дрянь, но, понятно, ничего не видѣлъ и только чувствовалъ страшную боль. Наконецъ, я свернулъ въ указанный переулокъ и остановился за невозможностью сразу пробраться черезъ шумѣвшую, галдѣвшую и глазѣвшую толпу зѣвакъ, набившихся въ узенькій переулокъ.

Я понялъ въ чемъ дѣло и не могъ самодовольно не улыбнуться: всѣ окна домовъ были разбиты. Кое-какъ протиснувшись къ подъѣзду съ вывѣской «зубной врачъ», я быстро махнулъ вверхъ по лѣстницѣ и вошелъ черезъ открытыя двери въ пріемную. Тутъ я принялъ самый равнодушный видъ и даже изобразилъ на лицѣ что-то въ родѣ улыбки. Только-что я вошелъ, какъ изъ противоположныхъ дверей показался мрачнаго вида субъектъ, съ подвязанной щекой, и отрекомендовался докторомъ.

— Что это, докторъ, у васъ, кажется, у самого зубы болятъ? началъ я развязно. — Скажите, пожалуйста, что это значитъ? и я съ видомъ недоумѣнія указалъ рукою на окна.

— Нѣтъ, представьте, видите, отвѣчалъ онъ: — какой-то мерзавецъ перебилъ ночью всѣ стекла и, кромѣ того, угодилъ мнѣ камнемъ прямо въ щеку. Говорятъ, что имъ были избиты еще нѣсколько человѣкъ. Это просто цѣлая шайка какихъ-то негодяевъ. И вотъ вамъ доказательство, какъ смотритъ полиція! — прибавилъ онъ съ негодованіемъ и, вѣроятно, по старой привычкѣ, подошелъ къ окну и хотѣлъ побарабанить по стеклу пальцами, но, вспомнивъ, что стеколъ нѣтъ, плюнулъ и, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Но что у васъ?

— Это просто ужасно! Это что-то невозможное! Это даже чортъ знаетъ что такое! началъ я возмущаться, не отвѣчая на его вопросъ, и хотѣлъ-было распространиться дальше, но въ это время зубъ далъ мнѣ чувствительно понять, что пора обратить на него вниманіе. — Что у меня! Да, видите, хочу выдернуть зубъ. Онъ хоть не болитъ у меня, — у меня никогда не болѣли зубы, не знаю, что такое зубная боль, говорятъ мучительно, — но онъ у меня испорченъ, боюсь, какъ бы другихъ не испортилъ, сказалъ я, еле удерживаясь, чтобы не пуститься въ плясъ.

— Ну, садитесь, посмотримъ!

Я не сѣлъ, а прямо бухнулся въ кресло, предвкушая наслажденіе видѣть у себя во рту съ визитомъ щипцы. Но докторъ все еще копался въ массѣ разложенныхъ на столѣ орудій пытки, изъ которыхъ, я склоненъ подозрѣвать, девять десятыхъ можно было бы, безъ ущерба для зубоврачебнаго искусства, выкинуть за окно. Онъ рылся не болѣе двухъ минутъ, но для меня это время протянулось такъ долго, что я успѣлъ, конечно, про себя, обругать его за медленность всѣми существующими, существовавшими и вновь мною изобрѣтенными на этотъ случай ругательствами и обидными прозвищами. Наконецъ, инструментъ былъ найденъ и докторъ велѣлъ открыть мнѣ ротъ, хотя въ приглашеніи такого рода я совсѣмъ не нуждался, такъ какъ едва докторъ повернулся ко мнѣ, какъ мой ротъ былъ уже предупредительно открытъ. Докторъ залѣзъ туда инструментомъ и сталъ копать въ зубъ, увеличивая и безъ того невыносимую боль. Я просто едва удержался отъ пѣнія всѣмъ извѣстной аріи изъ еще болѣе извѣстной всѣмъ оперы: «Не бей козла мокрымъ полотенцемъ». Кончивъ пытку, онъ отступилъ на шагъ и, удивленно взглянувъ на меня, сказалъ:

— Вы говорите, что не болитъ? Странно! Онъ у васъ долженъ болѣть. Нервъ совсѣмъ обнаженъ!

— Нѣтъ, ей Богу, не болитъ! протестовалъ я рѣшительнымъ голосомъ: — но... — я чуть не началъ комическій выходъ клоуна — прошу васъ выдернуть его!

— Я вамъ не совѣтую его дергать. Жалко! Почти совсѣмъ крѣпкій зубъ. Я вамъ его запломбирую!

— Нѣтъ, лучше вырвите!.. «Если не хочешь», едва не сорвалось у меня съ языка, «чтобъ я тебѣ подбилъ вторую скулу и не обратилъ въ руины всю твою мебель», но вмѣсто этого сказалъ:

— Я не люблю полумѣръ. Я сторонникъ радикальнаго леченія. «Да скорѣе же», продолжалъ я мысленно, и съ этими мысленными словами я мысленно повалилъ его и избилъ, какъ Сидорову козу.

Докторъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите! Ваша воля! Но, право, совѣтую запломбировать!

Я уже сдѣлалъ движеніе, чтобы встать, вцѣпиться въ горло и исковеркать до неузнаваемости, но сейчасъ же опомнился и замаскировалъ это движеніе, какъ будто поправляюсь на креслѣ.

— Нѣтъ, сказалъ я, вырвите! Одинъ конецъ. Отъ боли и нетерпѣнія у меня затряслись колѣни и въ мысляхъ моихъ докторъ уже лежалъ безъ движенія, на полу, съ засунутыми въ ротъ всѣми инструментами.

Докторъ съ сожалѣніемъ вздохнулъ и въ этомъ вздохѣ такъ и слышалось неудовлетворенное самолюбіе, что не удалось ему показать все свое искусство въ дѣлѣ доведенія паціента до умоизступленія. Опять началось безконечное копаніе въ инструментахъ, хотя щипцы лежали совсѣмъ на виду. На этотъ разъ докторъ былъ мною сначала засунуть въ стоявшее тутъ же піанино, потомъ повѣшенъ на потолочномъ крюкѣ, но въ этотъ моментъ докторъ повернулся ко мнѣ со щипцами въ рукахъ, да и было пора — я только-что собрался дѣлать престижитаторскія упражненія высшей школы и первымъ номеромъ шелъ докторъ, выкидываемый за окно; остальныхъ номеровъ программы я не успѣлъ еще хорошенько обдумать, но надѣялся, что они ничуть бы не уступили въ интересѣ первому номеру, и былъ увѣренъ, что это зрѣлище привело бы въ восторгъ стоявшую въ переулкѣ праздную толпу.

Въ это мгновение мой мучитель былъ выведенъ на свѣтъ Божій и черезъ минуту уже лежалъ въ жилетномъ карманѣ, гдѣ я предоставилъ ему право болѣть сколько угодно.

Всѣ кругомъ повеселѣло...

Ночная смѣна

Нашъ полкъ изъ веселой стоянки въ губернскомъ городѣ только-что былъ переведенъ въ одинъ пограничный глухой городокъ, гдѣ, кромѣ страшной тоски и жидовъ, ничего не было, а потому не удивительно, что всѣхъ, какъ насъ, такъ и городскую интеллигенцію, очень заинтересовало извѣстіе о переводѣ въ нашъ полкъ изъ гвардіи, тѣмъ же чиномъ, поручика Туманскаго. О причинѣ перевода никто не зналъ, не исключая и полкового командира, но зато слухамъ не было конца; говорили о дуэли, о какой-то странной и не совсѣмъ чистой исторіи, даже поговаривали объ отравленіи кого-то, но отравленіи недоказанномъ. Откуда шли всѣ эти свѣдѣнія, никто хорошенько не зналъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда Туманскаго. Но пріѣздъ его, въ смыслѣ открытія причины его перевода, всѣхъ разочаровалъ. Какъ оказалось, на вопросъ полкового командира о причинѣ перевода, онъ отвѣтилъ, что это такіе пустяки, о которыхъ и говорить не стоитъ, и тономъ, не допускавшимъ возраженія. Были еще попытки, преимущественно со стороны дамъ, но и онѣ не увѣнчались успѣхомъ и пришлось до поры до времени оставить его въ покоѣ. По своемъ пріѣздѣ онъ тотчасъ же сдѣлалъ всѣмъ визиты и почти всѣмъ понравился. Но на меня и на нѣкоторыхъ изъ насъ онъ произвелъ странное впечатлѣніе — онъ какъ будто и отталкивалъ отъ себя, и притягивалъ, въ немъ была и какая-то ласковость, и вмѣстѣ съ тѣмъ холодность и насмѣшка сквозила въ немъ, но тутъ же проглядывало участіе и серьезность; все это было во немъ неопредѣленно, безъ всякихъ рѣзкихъ границъ. Я и до сихъ поръ не могу дать себѣ яснаго отчета объ его характерѣ. Онъ посѣщалъ исправно всѣ вечера, какіе устраивались, бывалъ и на офицерскихъ пирушкахъ, хотя самъ почти ничего не пилъ, но старался держать себя, какъ я замѣтилъ, со всѣми просто и задушевно, что ему и удавалось, хотя все-таки сквозило какое-то превосходство его надъ всѣми. Въ отношеніи службы это былъ одинъ изъ самыхъ исправнѣйшихъ офицеровъ. Вообще же нужно сказать, что рѣшительно всѣ относились къ нему съ уваженіемъ, а нѣкоторые прямо съ необъяснимой боязнью, и рѣшительно никто, даже на пирушкахъ, гдѣ зачастую напивались, какъ говорится, до положенія ризъ, не рѣшался стать съ нимъ на болѣе короткую, болѣе товарищескую ногу.

Я посѣщалъ его довольно часто, такъ какъ любилъ чтеніе, а онъ выписывалъ массу какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ журналовъ. Съ нимъ и поговорить было пріятно, такъ какъ это былъ, безспорно, очень умный, начитанный и образованный человѣкъ. Я почти всегда заставлялъ его за работой: онъ или читалъ или писалъ и дѣлалъ какія-то выкладки. На мой вопросъ, чѣмъ это онъ занимается, онъ отвѣчалъ очень уклончиво, и съ тѣхъ поръ, что мнѣ показалось страннымъ, я никогда не заставлялъ его за письмомъ. Такъ

продолжалось мѣсяца три, по прошествіи которыхъ всѣ стали замѣчать, что онъ рѣдко сталъ показываться въ обществѣ, сдѣлался разсѣяннѣе и нелюдимѣе; если къ нему приходили, то онъ почти не слушалъ, что говорили, и отвѣчалъ не впадѣ. Это обстоятельство принудило насъ очень рѣдко посѣщать его, и только я заходилъ чаще другихъ, интересуясь журналами. Я проходилъ иногда довольно поздно мимо дома, гдѣ онъ жилъ, и всегда видѣлъ въ его кабинетѣ свѣтъ. Нѣкоторые изъ насъ въ шутку стали спрашивать деньщика: «Что это твой баринъ дѣлаетъ? Колдуетъ, что ли?»

Я думалъ, что такое состояніе Туманскаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро пройдетъ — съ чего бы ему, въ самомъ дѣлѣ, быть такимъ? Но подошли праздники, а Туманскій дѣлался угрюмѣе и угрюмѣе.

День въ сочельникъ былъ хмурый, сѣрый — шелъ не то дождь, не то снѣгъ. Я и такъ проснулся не въ особенно хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ зналъ, что сегодня приходилось идти въ караулъ, а скверная погода еще усугубила его, тѣмъ болѣе, что нужно было по такой погодѣ мѣсить грязь за четыре версты отъ города, гдѣ былъ караульный домъ. Сами же посты были расположены по правому берегу узкой и извиистой рѣчки, берега которой были всѣ перерѣзаны оврагами и лощинами и густо поросли кустарникомъ. Но какъ-никакъ, а приходилось идти: въ двѣнадцать часовъ дня я смѣнилъ старый караулъ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія унтеръ-офицеру, и затѣмъ, напившись чаю, этого единственнаго утѣшителя въ караулѣ, разлегся на диванѣ и скоро заснулъ. Хотя спать, по закону, караульнымъ начальникамъ и не полагается, но кто же устоитъ противъ сна, послѣ нѣсколькихъ дней неправильной жизни и безсонныхъ ночей. Караулъ въ этомъ случаѣ являлся даже отдыхомъ, да и кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ.

Вдругъ, сквозь сонъ, слышу, что кто-то меня будить. Я открылъ глаза. На дворѣ уже стояла ночь и были зажжены лампы. Передо мной стоялъ унтеръ-офицеръ.

— Чего тебѣ?

— У насъ не ладно, ваше бл—діе!

— Что не ладно? Что такое не ладно? Я вскочилъ и вопросительно глядѣлъ на него.

— Да вотъ, ваше бл—діе, Кузьминъ самовольно смѣнился съ поста, не дождавшись смѣны.

— Какъ же это такъ?

— Да онъ говоритъ, ваше бл—діе, что его смѣнили. А какой смѣнили, когда Лопасня только-что хотѣлъ вести смѣну.

Я вышелъ въ караульню.

— Какъ же это такъ, братецъ? Развѣ эдакъ можно? обратился я къ Кузьмину, маленькому солдатику съ испуганнымъ выраженіемъ лица: — развѣ ты не знаешь, что за это бываетъ? Захотѣлось, видно, подъ судъ угодить?

— Никакъ нѣтъ, ваше бл—діе... и Кузьминъ разсказалъ, какъ онъ стоялъ на часахъ, какъ пришелъ разводящій ефрейторъ Лопасня, вотъ съ нимъ, Егоровымъ, и Сѣнинымъ, какъ смѣнилъ его Егоровъ и ефрейторъ велѣлъ идти ему въ караульный домъ.

Нѣкоторые солдаты при этомъ разсказѣ посмѣивались, другіе недовѣрчиво и съ хитрыми взглядами покачивали головой, а третьи съ видимымъ участіемъ слѣдили за его разсказомъ.

— Да что ты врешь? непутевая твоя башка, когда я тебя смѣнялъ? обратился къ нему разводящій: — я еще и не выходилъ, всѣ видѣли. Онъ вретъ, ваше бл—діе.

— Не могу знать, отвѣчалъ Кузьминъ.

— Да ты, я вижу, пьянъ, каналья! Что ты городишь? Не въ очередь его! обратился я къ унтеръ-офицеру. — А завтра я съ тобой расправлюсь! прибавилъ я, возмущенный, какъ мнѣ тогда казалось, такимъ наглымъ враньемъ, и вернулся къ себѣ въ комнату.

Во второй разъ меня разбудилъ уже новый караульный начальникъ, пришедшій смѣнить меня. Значить, было уже около 12 часовъ дня.

Я отлично выспался, день былъ прекрасный и все смотрѣло весело, — все это вмѣстѣ привело меня въ хорошее расположеніе духа, и я рѣшился простить Кузьмина.

— Чортъ съ тобой! сказалъ я ему. — На этотъ разъ прощаю, но смотри, коли что опять, то ужъ не прогнѣвайся, а прямо подъ судъ.

— За что ты его такъ? спросилъ смѣнившій меня товарищъ Ситниковъ.

Я разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Напрасно дѣлаешь! замѣтилъ онъ. — Потачки давать нечего.

— Богъ съ нимъ, жалко, молодой вѣдь еще, отвѣчалъ я.

Кузьминъ былъ новобранцемъ.

Къ вечеру у меня собрались товарищи. Играли въ карты, пили, разговаривали, занятій по случаю праздника не было и товарищи засидѣлись у меня до слѣдующаго дня, даже не утра, а дня, пока не отворилась дверь и не вошелъ смѣнившій меня вчера офицеръ Ситниковъ.

— Вотъ, видишь ли, подошелъ онъ прямо ко мнѣ: — говорилъ тебѣ, не давай спуску — вотъ и у меня тоже одинъ самовольно ушелъ съ поста, и съ того же самага, и тоже утверждаетъ, что его смѣнили. Просто наглецы. Видятъ — простилъ, отчего же и мнѣ того же не сдѣлать, — авось сойдетъ. Да я его только упеку. Въ какое время у тебя ушелъ?

— Въ 12, отвѣтилъ я.

— Вотъ, даже и время подогнали — у меня тоже въ 12.

Офицеры, привлеченные нашимъ разговоромъ, обступили насъ и наперерывъ спрашивали: «что такое?»

Мы рассказали ночное происшествіе.

— Да что на нихъ смотрѣть! заговорилъ одинъ изъ нихъ. — Стоитъ ли разговаривать объ этомъ. Я думалъ не вѣсть что. Прямо подъ судъ и баста! Вѣдь это у нихъ заразительно, какъ чума; какъ выдумаютъ, такъ и пойдутъ валять. Прямо подъ судъ и никакихъ разговоровъ!

Я чувствовалъ всю справедливость этого замѣчанія, но въ то же время мнѣ вспомнилась жалкая фигура Кузьмина, его поблѣднѣвшее лицо, дрожащія губы, вспомнилъ его растерянные беспомощные взгляды, гдѣ и тѣни не было наглости, и впервые мнѣ показалось все это страннымъ, а именно — крайне страннымъ его поведеніе послѣ проступка, и я рѣшился протестовать.

— Нѣтъ, Господа, это что-нибудь да не такъ, началъ я, самъ еще хорошенько не зная, что буду говорить: — очевидно, происходитъ какое-либо недоразумѣніе. Подумайте только: ушли они съ поста за четверть часа до смѣны, простоявъ часъ и три четверти; какой смыслъ имъ было дѣлать такъ и рисковать попасть подъ судъ? вѣдь четверть часа простоятъ не дѣло...

— Какой смыслъ, какой смыслъ! перебилъ меня одинъ изъ нихъ. — Но, однако, они такъ сдѣлали, фактъ на лицо, а стало-быть, и разговаривать нечего.

— Позвольте, позвольте, я говорю не о фактъ, продолжалъ я: — а о причинѣ, почему они поступили такъ. Мнѣ кажется, прежде чѣмъ рѣшать что-либо, нужно разслѣдовать; подъ судъ всегда успѣемъ отдать...

— Эхъ, странный вы человекъ, продолжалъ тотъ же офицеръ, — какъ вы тутъ будете разслѣдовать и что. Вѣдь ясно, какъ Божій день, что они ушли, не дождавшись смѣны, ну, стало-быть, и баста!

Но тутъ у насъ поднялся общій споръ. Я хорошенько не помню, что я говорилъ послѣ; но, должно-быть, говорилъ достаточно краснорѣчиво и убѣдительно, такъ какъ на моей сторонѣ оказалось къ концу спора большинство, и мы рѣшили пока не доводить этого случая до свѣдѣнія высшаго начальства, а на тотъ постъ велѣть назначать людей изъ старослужилыхъ и надежныхъ, а не изъ молодыхъ, какъ было до сихъ поръ.

Но мое удивленіе не знало границъ, когда я узналъ, что и на третій день произошла самовольная смѣна. Опять поднялись споры и, въ концѣ-концовъ, рѣшили послать на этотъ постъ еще подчаска, т.-е. двухъ часовыхъ. Наступилъ четвертый день, но и часовой съ подчаскомъ самовольно ушли съ поста. Мы совсѣмъ растерялись. Больше всѣхъ ораторствовалъ прежній мой противникъ.

— Вы, господа, говорилъ онъ, — перепортите такъ всѣхъ солдатъ. Я, право, хоть это будетъ и не по-товарищески, но ради пользы, ради того, что бы не увеличивать числа виновныхъ, обо всемъ скажу полковнику.

Мы сами видѣли, что дальше скрывать было не возможно, и рѣшили на слѣдующій день подать рапортъ. Но слѣдующаго дня не пришлось дожидаться: въ этотъ же день, въ казармахъ, послѣ вечерней переклички, солдаты заявили фельдфебелю, что не пойдутъ на этотъ постъ. Фельдфебель, послѣ напраснаго крика и уговариваній, бросился ко мнѣ, но я имѣлъ такой же успѣхъ, какъ и онъ: солдаты смотрѣли прямо враждебно. Пришлось сказать обо всемъ ротному командиру. Ротный командиръ страшно взбѣсился и прежде всего обрушился на меня за то, что я скрылъ отъ него случай въ караулѣ, затѣмъ быстро одѣлся и мы почти бѣгомъ пустились къ казармамъ. Ротный сразу, едва вошелъ, началъ кричать и ругаться. Солдаты стояли смирно и угрюмо слушали его крики и проклятія. Но ни крики, ни угрозы не произвели желаемаго дѣйствія. Солдаты съ угрюмымъ выраженіемъ лица молчали.

— Болваны! крикнулъ онъ: — трусы! Я заступлю этотъ постъ, и, если это ваши плутни и выдумки, то берегитесь: всѣхъ до одного подъ судъ. Такъ и знайте!

— Поручикъ, обратился онъ ко мнѣ, — вы отправитесь вмѣстѣ со мною на постъ, да прихватите еще кого-нибудь.

Я, немного взволнованный этой сценой, отправился къ себѣ домой. Ночь была тихая, морозная, но очень темная. Я до сихъ поръ отчетливо помню всѣ происшествія этихъ дней, но чего я не могу до сихъ поръ себѣ объяснить, это того — какимъ образомъ, идя къ себѣ, я очутился у квартиры Туманскаго, хотя онъ жилъ совершенно въ сторонѣ отъ меня. Я не самъ шелъ, меня что-то толкало, и я машинально повертывалъ въ улицы, переулки, и опомнился только у дома Туманскаго, откуда свѣтился огонь.

— Фу ты, пропасть! подумалъ я. — Кой чортъ меня сюда занесъ? А, впрочемъ, промолвилъ я вслухъ: — пожалуй, это и къ лучшему — позову-ка на постъ Туманскаго, на завтра врядъ ли успѣю позвать кого другого.

Съ этими словами я, не раздѣваясь, черезъ сѣни прямо вошелъ въ комнату. Туманскій сидѣлъ ко мнѣ спиной и что-то читалъ. При моемъ входѣ онъ повернулъ голову и приподнялся.

— А, это вы, что скажете?

Я не видалъ его дней пять и меня поразила рѣзкая перемѣна въ его лицѣ, да и во всей его фигурѣ, онъ весь осунулся и безпокойный огонекъ пробѣгалъ въ его глазахъ — прежняго самоувѣреннаго, холоднаго взгляда и въ поминѣ не было. Онъ мнѣ показался даже жалкимъ.

Я ему тотчасъ же предложилъ идти завтра съ нами на постъ и объяснилъ для чего. О ночныхъ смѣнахъ онъ зналъ.

— Да, это все ужасно, ужасно странно! не отвѣчая на мое приглашеніе, заговорилъ онъ и сталъ ходить по комнатѣ. — Я объ этомъ думалъ... очень странно... Впрочемъ, очень радъ вашему предложенію... Непремѣнно!

Онъ въ волненіи зашагалъ изъ угла въ уголъ, теребя и кусая бородку.

Видя, что онъ не перестаетъ ходить и даже, кажется, забылъ уже о моемъ присутствіи, я собрался уходить, какъ вдругъ онъ почти шопотомъ, какъ будто въ забытьѣ, произнесъ:

— Это она... она... я ее узналъ... да это она... она.

Я вздрогнулъ — я вздрогнулъ и отъ этихъ словъ, и оттого, что онъ внезапно остановился, подошелъ ко мнѣ и схватилъ за пуговицу.

— Вы слышали? не то шепталъ, не то хрипѣлъ онъ, глаза его горѣли и нехорошая улыбка кривила ротъ. — Не удивляйтесь! Я скоро умру, да, умру!.. Что же вы? продолжалъ онъ, не спуская съ меня глазъ. — Впрочемъ, что же я? и онъ схватилъ себя за голову. — Уйдите, оставьте меня! Ступайте же! и онъ, быстро захлопнувъ за собой дверь, скрылся въ другой комнатѣ.

Я просто былъ ошеломленъ и не зналъ, что подумать. Постоявъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи нѣсколько секундъ, я почти машинально вышелъ на улицу. Я не зналъ, сердиться мнѣ или нѣтъ на его послѣднюю выходку. «Что съ нимъ такое? думалъ я, съ чего онъ раздражился? и такимъ еще грубымъ тономъ?!»

Я почти не спалъ всю ночь — страшно расходились нервы, но рѣшился завтра непременно потребовать отъ него объясненія по поводу его грубой выходки.

Несмотря на почти безъ сна проведенную ночь, въ караулѣ мнѣ не спалось. Я нервно шагалъ изъ угла въ уголъ, нѣсколько разъ выходилъ къ солдатамъ, спрашивалъ Кузьмина объ обстоятельствахъ смѣны, опять приходилъ къ себѣ. Свое нервное состояніе я передалъ и солдатамъ. Всѣ разговаривали другъ съ другомъ шопотомъ, какъ будто боялись разбудить кого. Иногда же вдругъ наступало гробовое молчаніе, такъ-что становилось просто жутко. Наступилъ вечеръ. Часовая стрѣлка уже приближалась къ десяти, какъ вошелъ капитанъ вмѣстѣ съ Туманскимъ. Появленіе капитана приободрило насъ всѣхъ.

Туманскій тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и, отведя въ уголъ, сказалъ:

— Извините меня за вчерашнее, я, право, самъ не знаю, что было со мной. Просто какой-то кошмаръ.

При звукѣ его голоса, вся досада моя прошла; голосъ былъ какой-то мягкій и задушевный, — онъ въ первый разъ говорилъ такимъ тономъ. На его извиненіе я отвѣтилъ, что отлично понимаю, въ какомъ онъ былъ состояніи, и ничуть не претендую. Онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку и отошелъ.

— Пора ужъ, проговорилъ капитанъ: — веди насъ ты! обратился онъ къ разводящему Лопаснѣ.

Я снялъ со стѣны большой фонарь съ рефлекторомъ и мы отправились. Разводящій съ солдатомъ для второго поста шель впереди насъ.

— Вы, обратился тихо капитанъ къ Туманскому, — смѣните часового, а когда смѣнить васъ другая смѣна, то вы прослѣдите ее до второго поста.

Туманскій въ знакъ согласія наклонилъ голову.

Ночь была тихая и теплая. Насколько я могъ замѣтить, капитанъ былъ въ очень задумчивомъ настроеніи. Наконецъ, показался постъ и раздался окрикъ часового:

— Кто идетъ?

— Смѣна! отвѣчали мы.

— Поручикъ, смѣняйте! проговорилъ капитанъ.

Смѣна произошла по формѣ. Голосъ Туманскаго дрожалъ.

Капитанъ взялъ у меня фонарь и поставилъ на снѣгъ у входа въ будку и самъ залѣзъ въ нее и время-отъ-времени оттуда раздавались проклятія и ругательства на головы солдатъ.

— Я имъ задамъ, канальямъ, ворчалъ онъ: — какъ морочить и бунтовать! Я имъ покажу! Черти! Изволь изъ-за нихъ тутъ мерзнуть!

Я присѣлъ тутъ же на перекладину низкаго палисадника, окружавшаго постовой сарай, а Туманскій сталъ ходить взадъ и впередъ у сарая, опустивъ голову и теребя бородку.

На воздухѣ я немного успокоился, но все-таки иногда меня охватывала нервная дрожь.

«Что-нибудь да не такъ, думалъ я: — не могли же солдаты, въ самомъ дѣлѣ, ни съ того, ни съ сего, сплести такую вещь». И отъ одной мысли объ этомъ меня коробило. Свѣтъ отъ фонаря, направленный на дорогу, по которой должна была пройти смѣна, еще болѣе увеличивалъ окружающую темноту.

Вдругъ поднялся вѣтеръ и повалилъ снѣгъ. Изъ будки чаще посыпались ругательства. Черезъ часъ намело и навалило пропасть снѣга. Но какъ внезапно поднялась непогода, такъ же внезапно и стихла. Я при свѣтѣ фонаря посмотрѣлъ на часы; часы показывали четверть двѣнадцатаго. Я послушалъ — они стояли. По всѣмъ вѣроятіямъ, скоро должна была прійти смѣна. Я сталъ всматриваться въ темноту по направленію свѣта.

Вдругъ въ свѣтлой полосѣ внезапно появилась темная фигура, а за ней двѣ другія. Ихъ появленіе было до того внезапно, что я весь похолодѣлъ и вскочилъ, какъ ужаленный.

— Кто идетъ? крикнулъ я не своимъ голосомъ. Капитанъ и Туманскій при звукѣ моего голоса присоединились ко мнѣ.

— Смѣна! раздался какъ-то глухо отвѣтъ.

— Говори громче! Кто идетъ? повторилъ я на этотъ разъ спокойнѣе.

— Смѣна! раздалось на этотъ разъ ясно и отчетливо.

Дѣйствительно, это была смѣна — ефрейторъ Лопасня съ двумя солдатами. Капитанъ взялъ въ руки фонарь и поднесъ къ лицу прибывшихъ.

— Лопасня?

— Такъ точно.

Капитанъ еще разъ внимательно оглядѣлъ ихъ и зачѣмъ-то протянулъ руку, которую тотчасъ же опустилъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, хотѣлъ дотронуться до нихъ, но почему-то не сдѣлалъ этого. Я видѣлъ, какъ дрожала его рука: видимо, и онъ немного волновался.

— Чего вы трусите, черти? закричалъ, наконецъ, капитанъ: — видите, все это ваши выдумки!

Дѣйствительно, лица прибывшихъ были очень блѣдны, хотя въ то же время — это мнѣ тогда же показалось страннымъ — выраженіе глазъ ихъ было спокойно и самоувѣренно.

При другихъ обстоятельствахъ капитанъ долго бы продолжалъ ругать и бранить ихъ, но теперь ему, видимо, захотѣлось поскорѣе все кончить.

— Поручикъ, смѣнитесь! проговорилъ онъ.

Не знаю, можно ли это чувствовать, но я ясно ощущалъ, какъ вздрагивалъ Туманскій.

Смѣнились, какъ прежде, такъ и теперь, по формѣ.

— Ну, маршъ на второй постъ! скомандовалъ капитанъ.

Ефрейторъ съ солдатомъ молча повернулись и пошли дальше. Туманскій, пропустя ихъ шаговъ на двадцать впередъ, вязня въ снѣгу, отправился за ними.

Не отдавая себѣ отчета, почему я это сдѣлалъ, я взглянулъ на оставшагоея часового; тотъ стоялъ смирно и смотрѣлъ въ сторону уходившихъ. Капитанъ поднялъ фонарь и свѣтилъ имъ въ спину. Вдругъ Туманскій остановился, сталъ пристально смотрѣть на снѣгъ, потомъ круто повернулся, взглянулъ на насъ и молча указалъ на снѣгъ.

Онъ былъ отъ насъ шагахъ въ двадцати, свѣтъ отъ фонаря падалъ на него, страшная мертвенность лица и горящіе глаза поразили насъ.

— Что съ нимъ? прошепталъ капитанъ и тотчасъ же вмѣстѣ со мною наклонился къ снѣгу, но мы рѣшительно ничего, достойнаго вниманія, не замѣтили: снѣгъ лежалъ совершенно ровной и блестящей пеленой.

Когда мы опять взглянули на Туманскаго, онъ уже стоялъ къ намъ бокомъ, о чемъ-то раздумывая, но вдругъ быстро повернулся и почти бѣгомъ, спотыкаясь и вязня въ снѣгу, бросился за вышедшей уже изъ полосы свѣта смѣной.

Мы все еще продолжали смотрѣть въ ту сторону, пока Туманскій совершенно не исчезъ изъ виду, и только-что мы хотѣли повернуться, чтобы идти, какъ слышался отдаленный, какъ бы умоляющій голосъ Туманскаго: «Куда?»

направо?» и опять все стихло. Но въ то же мгновение за нами раздался не то стонъ, не то смѣхъ, но что-то такое ужасное, что мы вздрогнули и, какъ одинъ человѣкъ, обернулись къ часовому.

— Что ты зубы-то скалишь? крикнулъ капитанъ, но тутъ же и замолкъ: часового не было на мѣстѣ.

— Егоровъ, гдѣ ты? Егоровъ! кричалъ капитанъ. Отвѣта не было. Меня начинала бить лихорадка. Мы съ фонаремъ кинулись за будку и, пригнувшись къ снѣгу, смотрѣли на слѣды, но тутъ же выпрямились, капитанъ глядѣлъ на меня совершенно безумными глазами: слѣдовъ никакихъ не было.

— Капитанъ! Туманскій?! и я указалъ рукою на снѣгъ. Мы тутъ только поняли жестъ Туманскаго и бросились на дорогу, но и тутъ снѣгъ лежалъ ровно и гладко и только видны были слѣды Туманскаго. Мы шли, какъ растерянные, не чувствуя подъ собою ногъ. Капитанъ торопился и изрѣдка произносилъ ругательства. Набѣжавшій порывъ вѣтра чуть не сбиль его съ ногъ и потушилъ фонарь.

— Что вы отстали? крикнулъ онъ. — Это чортъ знаетъ что... Я изъ силъ выбился...

Но показались огни караульнаго дома, и мы вошли въ караульную комнату, гдѣ прежде всего кинулся намъ въ глаза Лопасня, собиравшійся вести смѣну.

— Третья смѣна въ ружье! крикнулъ я тѣмъ голосомъ, которымъ струсившій человѣкъ старается ободрить себя.

Солдаты повскакали и засуетились.

— Въ ружья, въ ружья! неистовствовалъ капитанъ, бросаясь отъ одного къ другому...

Я рѣшительно не могъ идти, ибо чувствовалъ страшную слабость. Въ караульномъ домѣ остался одинъ младшій унтеръ-офицеръ и десять солдагъ, всѣ пошли за капитаномъ. Мучительно долго тянулось для меня время и я постоянно пригинался къ окну, стараясь разглядѣть что-либо, но было очень темно, хоть вьюга опять улеглась.

Наконецъ, послышался шумный говоръ и первымъ вошелъ капитанъ. Туманскаго съ ними не было. Лицо капитана было блѣдно и онъ весь какъ-то осунулся.

— Никого и ничего! проговорилъ онъ: — слѣды Туманскаго только видны были до поворота на второй постѣ... А слѣдовъ этой... смѣны не было...

Все это онъ проговорилъ отрывисто и вдругъ, снявъ фуражку, уставился на образъ.

— Упокой, Господи, душу раба Твоего Василия! проговорилъ онъ и перекрестился.

Всѣ солдаты послѣдовали его примѣру и набожно перекрестились.

На утро весь городъ толковалъ объ исчезновеніи Туманскаго...

На слѣдующую ночь таинственной смѣны не появлялось. Также спокойно прошли и остальные ночи и все стало понемногу успокаиваться.

Наступила весна, вскрылись рѣки и въ двухъ верстахъ отъ города всплылъ трупъ Туманскаго.

— Онъ, онъ, говорилъ капитанъ, приглядываясь къ трупу. — Ночная смѣна-то видно за нимъ приходила... Мудреный былъ человѣкъ... Да и дѣло это...

Мы вспомнили, что таинственная смѣна повернула не направо, какъ было нужно, а налево, къ рѣкѣ, чѣмъ и объяснялся возгласъ Туманскаго: «Куда? направо?»

По всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуя за ними, онъ попалъ въ полынью, занесенную снѣгомъ, и утонулъ.

Диссертація

Нѣтъ, рѣшительно нужно написать диссертацію. Въ послѣднее время я только и слышалъ, что «такой-то» и «такой-то» написали и блестяще защитили диссертацію, въ результатѣ чего получили степень доктора медицины. И что было досаднѣе всего для моего самолюбія — это то, что большинство «такихъ-то» и «такихъ-то» были моими однокашниками и были, какъ мнѣ тогда казалось — даже не казалось, а въ этомъ я былъ убѣжденъ — гораздо глупѣе меня, — а вотъ, однакоже, написали!

Нѣтъ, рѣшительно нужно приняться и скорѣе, а то вотъ уже одинъ талантливый еврей написалъ диссертацію о набрюшникахъ и получилъ степень, и, чего добраго, если не потороплюсь, то не о чемъ будетъ и писать, т.-е.

Скоро будетъ все воспѣто —
Всѣ пороки, страсти свѣта;
И не будетъ для поэта
Подходящаго сюжета,

какъ сказалъ одинъ молодой и, судя по приведеннымъ выше стихамъ, тоже очень талантливый человѣкъ, ощутившій въ себѣ вдругъ поэтической жаръ и прозрѣвшій опасность зарытія таланта въ землю, хотя, признаться сказать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ талантъ лучше и зарывать.

Нѣтъ, буду писать; только сначала нужно справиться, о чемъ уже написано, а то какъ разъ будешь обвиненъ въ плагиатѣ, и при этой мысли мнѣ сейчасъ же напоминалась печальная исторія одного, но только уже стараго человѣка, который, на склонѣ дней своихъ, имѣлъ неосторожность печатно сказать, что евреи перешли Чермное море, — жида подняли гвалтъ и обвинили его въ плагиатѣ, ссылаясь на то, что объ этомъ было сказано уже давно въ ихъ Библии,

и сѣдовласый старецъ за свой необдуманый поступокъ поплатился тюремнымъ заключеніемъ.

Но судьба, видимо, благопріятствовала мнѣ. Порывшись въ одномъ книжномъ магазинѣ съ самаго утра до поздняго вечера и доведя приказчика своими требованіями до изступленія, такъ-что немного не доставало до того, чтобы онъ нахлобучилъ меня какимъ-нибудь тяжелымъ фоліантомъ, я, наконецъ, нашель знаменитую работу знаменитаго нынѣ доктора Дерутина, въ которой онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что если содрать съ животнаго шкуру, то оно не будетъ жить, — что тамъ ни дѣлай, а жить не будетъ. Просто и ясно. До геніальности ясно! Чего же еще искать? Великолѣпная идея. Можно прямо написать на этотъ же предметъ, справившись предварительно у Дерутина, откуда онъ сдиралъ шкуру — съ головы или съ хвоста? Если съ головы, то я сдеру съ хвоста, и наоборотъ, и очень можетъ-быть, что если содрать съ головы, то животное проживетъ одной секундой дольше, а это очень важно, если не для науки, то для животнаго.

Поглощенный этой мыслью, я вернулся домой, сытно поѣлъ и, рѣшивъ приступить къ опытамъ на другое утро, сладко заснулъ.

Но что значить, когда умъ нашъ вдругъ просвѣтится отъ какой-либо блестящей идеи и получить толчекъ въ одномъ извѣстномъ направленіи! На другой день, утромъ, сидя у открытаго окна за стаканомъ чая и обдумывая свою будущую работу, взоръ мой вдругъ упалъ на какого-то оборваннаго мальчишку, занимавшагося каллиграфическими упражненіями на заборѣ у противоположнаго дома, и въ головѣ у меня составилаь новая комбинація.

Посуливъ ему гривенникъ съ придачей леденцовъ, я зазвалъ его къ себѣ.

— Хочешь ты зарабатывать каждый день по рублю? обратился я къ нему.

Мальчишка, сопя, недовѣрчиво, оглядѣлъ меня, но, поковырявъ въ носу, объявилъ, что хочетъ.

— Такъ вотъ что, любезный другъ, продолжалъ я, поставивъ его передъ собой и держа его за плечи: — слушай внимательно: каждый день я буду давать тебѣ рубль — понимаешь рубль — на него ты можешь купить себѣ чортъ знаетъ чего, но зато ты позволишь мнѣ, также каждый день, давать тебѣ по нѣскольку ударовъ розгами, — я не больно, слегка, понимаешь?

Въ головѣ своей я рѣшилъ написать диссертацию о вліяніи розогъ на кожу человѣка и разобрать этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, коснувшись слегка и психологии.

Но мальчишка, очевидно, хорошо знакомый съ этими опытами, запротестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, скорчилъ плаксивую гримасу и сталъ порываться къ дверямъ. И никакіе мои доводы, ни убѣжденія, даже и то, что этимъ онъ принесетъ большую пользу нашей общей матери —

наукѣ, и имя его, дотолѣ неизвѣстное, будетъ не только напечатано во всѣхъ газетахъ и журналахъ, но даже занесется на скрижали врачебной исторіи, — не могли поколебать его рѣшимости. Очевидно, онъ ни въ грошъ не ставилъ врачебную науку и даже за вознагражденіе не хотѣлъ пожертвовать частичкой своей скверной кожи. Раздраженный его упорствомъ и истощивъ все свое краснорѣчіе, я рѣшился дѣйствовать иначе.

— Ну, хорошо, не хнычь! Экій какой! Не хочешь, какъ хочешь, — кожа твоя, а не моя, и ты воленъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Не возьмешься ли ты, въ такомъ случаѣ, снести письмо въ угловой домъ, не далеко вѣдь тутъ. Я тебѣ дамъ за это гривенникъ.

Мальчишка на это согласился и лицо его просіяло. Я вышелъ изъ комнаты яко бы за письмомъ, но вернулся съ розгами и не успѣлъ мой мальчишка оглянуться, какъ ужъ былъ зажатъ между моими ногами, рубашка завернута, и я началъ свой опытъ, долженствовавшій прославить мое имя. Мальчишка визжалъ, барахтался, бился, кусался и, наконецъ, въ самой серединѣ опыта, такъ больно ущипнулъ меня за ногу, что я невольно вскрикнулъ, а онъ, воспользовавшись этимъ моментомъ, быстро вывернулся и, крича благимъ матомъ, исчезъ въ дверяхъ.

Потирая ущипленное мѣсто и досадуя на неудачу, что не пришлось изслѣдовать кожу, сбѣжавшую вмѣстѣ съ своимъ владѣльцемъ, я поплелся вслѣдъ за мальчишкой припереть дверь, такъ какъ своего слугу я еще передъ опытомъ отпустилъ со двора.

Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ двери, какъ въ нее раздался быстрый и непрерывный стукъ, а колокольчикъ обнаружилъ очевидное намѣреніе сорваться съ своего мѣста: такъ неистово онъ подпрыгивалъ и заливался. Въ то же время чей-то крикливый голосъ требовалъ немедленнаго открытія двери, чтобы оттузить и выцарапать глаза живодеру. Какъ мнѣ ни непріятно было сознаться, но, беря во вниманіе дальнѣйшія поясненія ругавшейся особы, прозвище «живодеръ» относилось не къ кому другому, какъ ко мнѣ.

Было очевидно, что какъ голосъ, такъ и здоровая рука, немилосердно тузившая дверь, за неимѣніемъ на лицо самого «живодера», принадлежали никакъ не менѣе, какъ матери высѣченнаго мною мальчишки.

Еще долго скверная баба поносила меня самыми отборными ругательствами, поощряемая къ этому какъ несмолкаемымъ ревомъ мальчишки, такъ и собравшейся праздно толпой, совѣтывавшей ей раздѣлаться со мной по-свойски и громогласно выражавшей соболѣзнованіе мальчишкѣ, котораго его матушка, какъ я могъ предполагать по доносившимся ко мнѣ фразамъ, ежеминутно поворачивала спиной къ толпѣ и показывала высѣченное мною мѣсто. Наконецъ, видя, что со мной ничего не подѣлаешь, она, пустивъ

последнее ругательство, объявила, что притянетъ меня къ суду, при чемъ выражала увѣреніе, что ужъ тогда я непременно напляшусь.

Шумъ стихъ и толпа понемногу разошлась.

Посидѣвъ еще нѣкоторое время въ передней и поскорбѣвъ о неудачѣ, я все-таки рѣшилъ не откладывать дѣла и — пока что — приняться за опытъ сдиранія шкуры. Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: гдѣ достать собаку? Самъ я не рѣшался выйти на ловлю, опасаясь всевозможныхъ покушеній со стороны возмутительной женщины, которая, очень можетъ-быть, хитритъ и ждетъ меня гдѣ-нибудь въ засадѣ.

Моего же лакея нечего было скоро ожидать: этотъ человѣкъ имѣлъ обыкновеніе уходить со двора никакъ не менѣе, какъ на сутки, и возвращаться всегда пьянымъ, даже сугубо пьянымъ, въ виду того, что, совмѣщая въ себѣ двѣ должности — лакея и повара, напивался сразу за эти два почетныя званія.

Все не благопріятствовало. Но чтобы не терять времени даромъ, я сѣлъ и написалъ письмо Дерутину, гдѣ, выразивъ сначала удивленіе его могучему таланту, скромно изъяслялъ желаніе продолжить, такъ-сказать, опыты и просилъ соотвѣтствующихъ указаній по этой части, т.-е. откуда онъ начиналъ обыкновенно сдирать шкуру. Написавъ это письмо, я подкараулилъ у окна проходившаго мимо почтальона и просилъ опустить въ ящикъ. Дѣлать было больше рѣшительно нечего, а день подходилъ еще только къ серединѣ. Изнывая отъ тоски, мнѣ вдругъ пришла мысль замѣнить собаку другимъ животнымъ, именно кошкой, — во-первыхъ, кошка живучѣй, во-вторыхъ, достать ее можно хоть сейчасъ, а, въ третьихъ, все-таки это будетъ ново. Но сейчасъ достать еѣ не пришлось, и я отложилъ поимку ея до вечера, когда на крышѣ сарая, стоявшаго посреди двора, всегда собиралась цѣлая ихъ компанія для вокальныхъ концертовъ.

Все было бы хорошо, если бъ не началъ меня мучить вдругъ голодъ. Отправившись на кухню, я, кромѣ куска чернаго хлѣба, ничего не нашелъ. Пришлось удовольствоваться имъ да чаемъ. Но и чай достался мнѣ послѣ большихъ усилій: пузатый шельма-самоваръ вдругъ началъ безобразничать самымъ невозможнымъ образомъ: уже не говоря о томъ, что онъ не хотѣлъ кипѣть, онъ даже и шумѣть не хотѣлъ, и довести его до надлежащаго состоянія мнѣ удалось только послѣ трехсотой щепки, засунутой въ его пасть. Но и тутъ чуть было не случилось несчастіе: едва я отвернулся, какъ смотрю — кранъ самымъ непостижимымъ образомъ отвернуть и почти все содержимое самовара очутилось на полу и, только благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, мнѣ удалось спасти какъ остатокъ горячей воды, такъ и пузатую шельму отъ безвременной кончины распаянія.

Кое-какъ утоливъ голодъ, я сталъ нетерпѣливо дожидаться вечера.

Наконецъ, вотъ оно — послышалось протяжное мяуканье, на которое сейчасъ же, не менѣ мелодично, отвѣчалъ другой голосъ. Вотъ, должно-быть, большой котъ затянулъ басомъ, а тутъ какъ разъ подоспѣли и дисканты. Наконецъ, явился теноръ, которому нахально сталъ вторить баритонъ, послышалось сопрано — и концертъ грянулъ стройнымъ хоромъ.

Я вышелъ во дворъ, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя свѣжій ночной воздухъ, что было еще особенно пріятно послѣ вторично выпитыхъ мною безчисленнаго множества стакановъ чая. Къ крышѣ сарая, гдѣ происходилъ концертъ, была приставлена лѣстница. Я направился къ ней и, быстро взобравшись вверхъ, сразу обрушился на котовъ, желая этимъ неожиданнымъ нападеніемъ ошеломить ихъ и поймать хоть одного. Но не тутъ-то было: всѣ быстро разбѣжались и скрылись по лѣстницѣ. Экспедиція эта стоила мнѣ жестокаго насморка и головной боли, съ которыми я и проснулся на другой день.

Едва я одѣлся, какъ послышался робкій звонокъ — это оказался мой лакей, который, къ удивленію моему, былъ почти трезвъ. Онъ сейчасъ же услужливо, какъ всегда это бывало въ такихъ случаяхъ, бросился ставить самоваръ и убирать комнаты. Когда онъ кончилъ, я приказалъ ему пойти и привести мнѣ собаку.

— Собаку? переспросилъ онъ. Я ясно услышалъ въ тонѣ его голоса, которымъ онъ произнесъ это слово, увѣренность, что я пьянъ.

— Ну, да, собаку! Чего ты уставился? Ступай! Мнѣ нужна собака для опытовъ. Приведи какую-нибудь — только живѣй. Слышишь ли?

Во время его отсутствія, наконецъ, принесли отвѣтное письмо отъ Дерутина. Я нетерпѣливо распечаталъ его и прочелъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ поощрялъ меня на опыты, говоря, что его очень тронула моя рѣшимость слѣдовать ему, несмотря на протесты непросвѣщенной части публики, которая въ его опытахъ, кромѣ сдиранія шкуры, по близорукости своей, ничего не видѣла. «Но такова судьба всѣхъ начинаній», продолжалъ онъ, «не смущайтесь, молодой человѣкъ, идите дальше». Далѣе онъ писалъ, что сдиралъ шкуру съ хвоста, и совѣтовалъ мнѣ, если опытъ сдиранія съ головы окажется тождественнымъ съ сдираніемъ съ хвоста, попробовать содрать съ середины къ головѣ, а потомъ къ хвосту на манеръ пуделя. «Результаты будутъ, вѣроятно, поразительные», прибавлялъ этотъ удивительный человѣкъ. «Я бы самъ, писалъ онъ далѣе, занялся этимъ, но въ настоящее время у меня другая работа, о которой я вамъ съ удовольствіемъ сообщаю, какъ человѣку, во-первыхъ, отрѣшившемуся отъ ложныхъ воззрѣній, и, во-вторыхъ, какъ дѣйствительно преданному наукѣ», а именно онъ писалъ, что теперь занятъ доказательствомъ того положенія, которое, между прочимъ, онъ со временемъ публично прочтетъ передъ обществомъ просвѣщеннѣйшей части публики, а именно врачей, что ежели

живую собаку поджаривать на медленномъ огнѣ, то она, во-первыхъ, въ концѣ-концовъ, поджарится, а во-вторыхъ, поджарившись, издохнетъ, т.-е. результаты будутъ тождественны съ результатами сдиранія шкуры, хотя, прибавлялъ онъ, средства и различны.

Эта его неутомимая энергія къ открытію истинъ съ новой силой вдохновила меня, и я, позабывъ о своихъ первыхъ неудачахъ, съ радостью привѣтствовалъ появленіе моего слуги въ обществѣ собаки, ведомой имъ на веревкѣ, — правда, очень тощей собаки, но все-таки живой собаки. Уславъ лакея на кухню къ своимъ обязанностямъ, я, съ замираніемъ сердца, понятнымъ только моимъ коллегамъ, сталъ дѣлать приготовленія къ опыту.

Собака, прижавшись въ углу, дрожала всѣми членами и недружелюбно поглядывала на меня. Удивительное чутьё у этихъ собакъ! Наконецъ, приготовивъ все, что было нужно, я взялъ веревки, чтобы связать моего объекта по ногамъ. Но лишь только я подошелъ къ ней, какъ она привстала и совсѣмъ недвусмысленно, злобно оскаливъ зубы, взъерошила шерсть и глухо зарычала.

— Экій дуракъ, подумалъ я: — не могъ привести собаки подобрѣе. Эдакого злого чорта привелъ.

Собака, замѣтивъ мою нерѣшимость, зарычала грознѣе. Но ея злой видъ началъ озлоблять и меня, и я, рѣшивъ, что человекъ, какъ существу высшему, нечего церемониться со всякою тварью, быстро бросился къ ней и схватилъ за шиворотъ, но она также быстро вывернулась и вцѣпилась всей своею пастью мнѣ въ ногу. Я закричалъ, что было силъ. Испугалась ли она моего дикаго голоса, но она сейчасъ же бросила меня и, метнувшись раза два по комнатѣ, вскочила на подоконникъ, а оттуда на улицу.

На мой крикъ вбѣжалъ лакей и нашелъ меня, какъ говорится, плавающимъ въ крови. Рана была глубокая и сильная...

И вотъ, съ забинтованной ногой, съ насморкомъ и головной болью, въ неприятномъ ожиданіи повѣстки отъ мирового судьи, проклиная всѣхъ и вся, лежалъ я въ кровати, разбитый и физически, и нравственно. «Какой я врачъ, куда я гожусь? думалъ я съ озлобленіемъ противъ себя: — шкуры и той не умѣю содрать». А около меня сидѣлъ старичекъ-докторъ и, улыбаясь, слушалъ мои сѣтованія.

— Поймите, говорилъ онъ, — прежде ради идеи — и извѣстной идеи — производились опыты, а теперь ихъ производятъ для идеи и неизвѣстной идеи. Ради идеи и для идеи — то, да не то. Идеи теперь нѣтъ, не темъ заняты, достать ихъ не откуда, по улицамъ онѣ не бѣгаютъ, а бѣгаютъ только собаки, такъ вотъ и ищутъ ее подъ шкурой животнаго, — нѣтъ ли тамъ чего-либо.

Судьба

И опять, чуть ли не въ десятый разъ, я сдѣлался ничѣмъ.

Мнѣ было ясно, какъ Божій день, что моя судьба была самой капризной дѣвчонкой, когда-либо существовавшей. Лишь только остался я одинъ на бѣломъ свѣтѣ, что случилось ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, и именно тогда, когда у меня только-что пробились усы и я получилъ возможность посѣщать такія учрежденія, какъ парикмахерскія, не для одной стрижки волосъ, но и для бритья, я попалъ въ руки вышеупомянутой капризной дѣвчонки, которая стала вертѣть и играть мною самымъ невозможнымъ, достойнымъ порицанія, образомъ. То я былъ ея самой любимой игрушкой, которую она выставяла на видъ и носилась съ ней, какъ съ писанной торбой, то я валялся въ углу съ разнымъ, душу возмущающимъ, хламомъ, для того, чтобы черезъ нѣсколько времени опять очутиться въ почетѣ и опять-таки, затѣмъ, попасть въ самый невозможный сбродъ нечистотъ. Говоря иначе, я обладалъ прежде великолѣпнымъ торговымъ домомъ тѣхъ блестящихъ вещей и вещицъ, которыя такъ соблазнительно красуются за зеркальными стеклами магазиновъ, и безъ которыхъ, разсуждая здраво, человѣку легче обойтись, чѣмъ безъ носового платка. Но не въ силу этого, а по прихоти моей судьбы, вмѣсто того, чтобы разгуливать по обширнымъ заламъ своего торговаго дома, я, въ одинъ прекрасный день, — прекрасный, можетъ-быть, для кого-либо другого, а ужъ никакъ не для себя, — обратился въ нѣчто до такой степени неопредѣленное, что повергъ въ замѣшательство и смущеніе всѣхъ своихъ добрыхъ знакомыхъ и друзей, потерявшихъ вдругъ, въ силу моего превращенія, способность видѣть и узнавать меня при встрѣчѣ. Но это было только началомъ «дѣлъ славныхъ», и въ продолженіе послѣдующихъ лѣтъ превращенія слѣдовали за превращеніями, ничуть не уступающія въ неожиданности театральнымъ превращеніямъ и даже во многомъ превосходящія ихъ. Но не одинъ я страдалъ отъ нихъ — не въ меньшей мѣрѣ страдали и окружающіе меня, окончательно сбитые съ панталыку моимъ поведеніемъ, принужденные то отшатываться отъ меня, то опять, съ предупредительной лаской, идти навстрѣчу, и которые, наконецъ, искренно были обрадованы извѣстіемъ, что я послѣ многихъ лѣтъ очутился, повидимому, на твердой почвѣ, оказавшейся небольшимъ мануфактурнымъ магазиномъ и красивой женой, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ получившей въ подкрѣпленіе и пару ребятишекъ. Но чаша еще не была полна, что моя госпожа судьба не преминула доказать самымъ нагляднымъ образомъ, отобравъ отъ меня въ одинъ годъ, сначала жену и дѣтей, потомъ магазинъ и все, что еще оставалось, и встряхнувъ такимъ образомъ меня за шиворотъ, окончательно, повидимому, меня бросила. И вотъ, на послѣднія крохи, обезпечивъ на

короткое время свое существование у одной дамы, занимавшейся благороднымъ ремесломъ — отдачей въ наймы комнатъ и изготовленіемъ домашнихъ обѣдовъ, я сдѣлался ничѣмъ. Надѣяться мнѣ было ужъ рѣшительно не на что, такъ какъ въ округѣ достаточно были извѣстны мои хамелеонскія наклонности и ко мнѣ стали относиться всѣ не то, что ужъ недоувѣрчиво, а даже съ негодованіемъ. Денегъ же на веденіе и развитіе какого бы то ни было дѣла — не было, такъ какъ, къ сожалѣнію, безъ денегъ можно вести только разговоры и развивать мысли и, пожалуй, веревку, но только если она ужъ есть.

И такимъ образомъ, на этотъ разъ я былъ ужъ окончательно «ничто», я былъ, но меня не было, я былъ сведенъ на нуль, на «ничто», я даже не былъ «кое-кто», даже не существовало моего имени. Прежде все-таки былъ «Иванъ Ивановичъ», но теперъ и его не было, и если иногда заглядывало въ мою комнату благородное лицо хозяйки, то только затѣмъ, какъ я былъ увѣренъ, чтобы посмотреть, живъ ли я, или уже умеръ, и каждый разъ это лицо, очевидно, съ негодованіемъ на мое упрямство, послѣ всего случившагося, оставаться еще въ живыхъ, скрывалось за дверью, чтобы опять появиться на слѣдующее утро.

Меня ужъ даже начала мучить совѣсть за видимо волновавшуюся бѣдную женщину, желавшую нажать за мой счетъ нѣсколько рублей, такъ какъ деньги были заплачены впередъ, и тѣмъ болѣе мучило, что доставить ей такое удовольствіе ничего для меня въ сущности не стоило, ни одного гроша, ибо рѣка была всегда къ услугамъ всѣхъ желающихъ отправиться по ней въ другой міръ. И, наконецъ, въ одинъ изъ тѣхъ скверныхъ, дождливыхъ вечеровъ, когда на дворѣ стоитъ какое-то пятое время года и когда мысли особенно настойчиво стараются отрѣшиться отъ брэнной оболочки и, оставивъ ее въ грязи, унести въ невѣдомое пространство, — я рѣшилъ доставить своей хозяйкѣ удовольствіе. Нужно было видѣть ее растроганное и умиленное лицо, когда она закрывала за мной дверь — это еще только болѣе подбодрило меня въ моемъ рѣшеніи, и черезъ нѣсколько минутъ я уже стоялъ у перилъ моста, смотрѣлъ на мутныя, черныя волны недавно освободившейся ото льда рѣчки и думалъ: одно мгновеніе и кончено!.. нѣтъ, пожалуй, не одно мгновеніе, — насколько я слышалъ — господа утопленники передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ погрузиться, имѣютъ обыкновеніе еще барахтаться и кричать «спасите»!.. совершенно несообразно! Можно, пожалуй, привязать камень на шею — но ужъ это будетъ жестоко. Да и неприятно передъ смертью еще мокнуть — платье прилипнетъ, холодно... бр!.. ужъ если отправляться на тотъ свѣтъ, то съ комфортомъ, съ пріятностью. А съ другой стороны, если бы я кинулся съ моста тогда, когда только-что подошелъ, то все бы было ужъ кончено... кинуться развѣ?.. ну ее, жизнь!..

Вдругъ чья-то рука опустилась ко мнѣ на плечо. Я вздрогнулъ и обернулся — передо мной не ясно зачернѣлся силуэтъ какого-то человѣка.

— Пойдемте! раздался тихій голосъ.

— Что вамъ? прохрипѣлъ я ему.

— Пойдемте! опять произнесъ незнакомецъ и пошелъ впередъ. Невидимая сила оторвала мои, почти окостенѣвшіе, пальцы отъ перилъ моста, толкнула и я машинально послѣдовалъ за нимъ. Мнѣ было все равно.

Дождь моросилъ по-прежнему и рѣзкій, порывистый вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, но моего спутника, шедшаго немного впереди, это ничуть, повидимому, не беспокоило; онъ безшумно шагаль впередъ и его стройная фигура не поддавалась усиліямъ вѣтра; онъ высоко держалъ голову и не склонялъ ее передъ нимъ. Я же съ шумомъ шлепалъ по лужамъ своими стоптанными сапогами, изъ отверстій которыхъ угрюмо высывались пальцы. «Кто это и куда ведетъ онъ меня?» думалъ я и не рѣшался спросить. Вдругъ у одного освѣщеннаго магазина, на поворотѣ улицы, на меня наскочилъ изъ-за угла какой-то субъектъ, налетѣлъ и, сейчасъ же отскочивъ къ стѣнѣ, прижался къ ней и взглянулъ на меня. Наши взгляды встрѣтились. Если у меня было отчаянное лицо, то я ужъ не знаю, какое было лицо у этого господина; онъ растерянными, испуганно-отчаянными глазами посмотрѣлъ на меня, и по всему лицу его пробѣжала какая-то судорога, — видимо, онъ былъ тоже пораженъ моимъ видомъ. Но мой спутникъ неустанно влекъ меня впередъ, и когда мы прошли столкнувшись со мной субъекта и опять погрузились въ мракъ и сырость, я оглянулся — онъ все еще стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его оставили, и смотрѣлъ намъ вслѣдъ. Вдругъ тихій, грустный смѣхъ вывелъ меня изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ я находился. То смѣялся мой незнакомецъ. Но какъ внезапно начался смѣхъ, такъ же внезапно и кончился, и вмѣсто смѣха раздался спокойный и ровный голосъ его.

— У человѣка двѣ воли, началъ онъ, — и звуки его голоса стали производить на меня странное ощущеніе, какъ будто говорилъ не онъ, а что-то вокругъ него, что-то такое, которое, по мѣрѣ того, какъ говорило, разгоняло вокругъ меня мракъ и сырость и подуло теплымъ весеннимъ вѣтеркомъ.

— У человѣка двѣ воли — добрая и злая. Добрая воля свыше, злая отъ себя. Міръ движется впередъ къ добру и благу. Судьбы міра predeterminedены и predeterminedена добрая воля человѣка, которой неустанно онъ двигаетъ впередъ этотъ міръ. Но злая воля, которая отъ человѣка, губить созданное добромъ, и опять нужны новыя сцѣпленья, новыя звенья, чтобы возстановить добро, возстановить predeterminedеніе, и опять міръ идетъ впередъ и опять зло останавливаетъ его. И все человѣчество принимаетъ участіе въ этой работѣ, нѣтъ никого, кто бы не принималъ въ этомъ участія. Человѣкъ работаетъ, создаетъ и думаетъ, что главную пользу принесъ міру именно своимъ

созданіемъ, тѣмъ, что онъ создаетъ, и онъ такъ думаетъ, что не знаетъ судьбы своей и судьбы своего созданія, потому что не знаетъ, чѣмъ, когда и какъ выразилось и выразится то дѣйствіе, которымъ онъ принесъ ту дѣйствительную пользу человѣчеству, для которой онъ именно и призванъ, въ достиженіе блага; то добро, которое подобно крупинкѣ, затерявшейся въ общей массѣ, но все-таки, послужившей къ движенію міра впередъ.

Часто человѣкъ думаетъ, что судьба его тѣсно связана съ судьбой его семьи, съ его близкими, съ его дѣломъ, и думаетъ потому такъ, что самъ создалъ это, и не думаетъ того, что очень можетъ-быть, что съ семьей связанъ онъ менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо, и больше связанъ съ совершенно другими, которыхъ онъ не знаетъ и, можетъ-быть, не узнаетъ никогда, но которымъ, такъ или иначе, онъ помогъ въ вѣковой общей работѣ стремленія къ добру и благу и помогъ такъ, что и самъ не знаетъ, какъ помогъ. Съ тѣмъ только и связанъ прямо, истинно человѣкъ, кому онъ помогаетъ въ этомъ. Родится ребенокъ и, проживъ нѣсколько времени, умираетъ. Недоумѣваютъ родители, ибо думали, что для ихъ блага онъ рожденъ, и не хотятъ подумать того, что для мірового блага было появленіе его на свѣтъ. Хоть немного он прожилъ, но оставилъ впечатлѣніе по себѣ, и почему не можетъ быть хоть такъ: родился другой ребенокъ, который растетъ, крѣпнетъ, и провинился онъ вдругъ и хотятъ его наказать, но вспомнили объ умершемъ и простили этого. Не знаютъ они судьбы его и не придаютъ значенія этому, ибо не думаютъ объ этомъ, что добро, которое они сдѣлали ему, запечатлится въ душѣ его, и понесетъ онъ это добро въ міръ, и, не будь умершаго ребенка, было бы зло. Всѣ люди участвуютъ въ этомъ, но въ разной степени. Чѣмъ сильнѣе духомъ человѣкъ, тѣмъ больше тягости жизни на немъ, тѣмъ труднѣе ему передъ другими и другіе призваны помогать ему. Идетъ человѣкъ, убитый горемъ, превратностями судьбы; и не видитъ цѣли жизни своей, ибо ищетъ своего блага, котораго онъ не можетъ знать — благо это или не благо, ибо не знаетъ судьбы, идетъ — и зло торжествуетъ въ немъ, онъ хочетъ сдѣлать зло — убить себя, не зная того, что этимъ убьетъ не себя одного, а свыше связанныхъ съ нимъ людей для общей работы; и опять прервется работа и потребуются новыя звенья, чтобы соединить въ цѣлое разорванное зломъ. Но вотъ въ рѣшительную минуту человѣкъ одумался: отчего онъ одумался — можетъ-быть, оттого, что вспомнилъ о чемъ-нибудь добромъ, но одумался, пошелъ и столкнулся съ другимъ еще болѣе, чѣмъ онъ, убитымъ горемъ и тягостями жизни и рѣшившимся также кончить съ собой; столкнулись, посмотрѣли другъ на друга и другой прочелъ на первомъ тоже убитость и удрученность, но не было ужъ только отчаянія на немъ, а была покорность. Остановился другой человѣкъ, задумался и стряхнулъ зло. И первый человѣкъ тѣмъ, что пережилъ много тревоженій горя и покорился, и темъ, что толкнулъ его — спасъ

другого отъ зла и сдѣлалъ добро, не зная самъ того, что сдѣлалъ, какое великое добро онъ сдѣлалъ, и, значитъ, одно изъ тѣхъ дѣлъ онъ сдѣлалъ, для которыхъ явился въ этотъ міръ. Случая нѣтъ; случай — это то, что люди не понимаютъ. Если потрясти цѣпь за первое звено, то и послѣднее заколеблется, такъ какъ соединено съ первымъ, и всѣ люди и всѣ ихъ поступки соединены той же цѣпью. Но гордъ человѣкъ и за ничтожество считаетъ все это, не желая понять того, что, можетъ-быть, это самое ничтожное на видъ благо изъ всего того, что онъ сдѣлалъ, и сослужило ту громадную службу всему міру въ стремленіи къ добру и благу, и думаетъ такъ потому, что не знаетъ всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя произвело то незначительное на видъ добро, сдѣланное имъ. Но человѣкъ отмахивается отъ этого, и не ничтожнымъ считаетъ только то, что онъ создаетъ умомъ своимъ и руками.

Нуженъ человѣку трудъ и работа, но нужны для укрѣпленія духа, и чѣмъ болѣе работаетъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе укрѣпляетъ духъ свой и легче ему отрѣшиться отъ зла, легче переносить тягости жизни. Но не такъ смотритъ человѣкъ — созданіе свое и дѣло свое онъ считаетъ цѣлью жизни, когда не можетъ этого быть, ибо цѣль жизни одна — общее добро и благо, и не умомъ идетъ міръ впередъ, а сердцемъ...

Голосъ умолкъ, но въ воздухѣ еще носились кругомъ меня какіе-то неясные звуки и видѣнія. Но вотъ и ихъ не стало и только тутъ я почувствовалъ, что давно уже стою на одномъ мѣстѣ и у меня закрыты глаза. Вдругъ пѣніе жаворонка искрой пробѣжало по всему моему тѣлу и я открылъ глаза. Никого около меня не было. Я стоялъ, прислонившись къ дереву, а кругомъ разстилались росистыя поля, чуть подернутыя серебристымъ отливомъ разсвѣта.

Что это — былъ сонъ? Какъ я тутъ очутился? Да сонъ ли это былъ? спалъ ли я? и я не могъ дать себѣ въ этомъ отчета и только слышалъ одно пѣніе жаворонка, выше и выше забирававшегося въ голубую высь и заглушавшаго своимъ пѣніемъ всѣ мои мысли и чувства. Болѣе и болѣе алѣлъ востокъ — отъ луговъ поднялся легкій паръ и побѣжалъ на встрѣчу солнцу. Какъ будто вымытые сильно блестящими темные стволы деревъ и протягивали свои еще оголенные вѣтви, какъ бы прося скорѣе одѣть ихъ. Налетѣлъ легкій вѣтерокъ, зарябилъ воду въ лужахъ, смахнулъ съ вѣтвей деревъ влагу, алмазами посыпавшуюся на мокрую землю, и умчался дальше. А я все еще стоялъ въ забытіи и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ всходило солнце, и вдругъ потокъ лучей брызнулъ оттуда, ослѣпилъ меня, одѣлъ мокрую землю въ алмазы и изумруды, и понеслись лучи его дальше и дальше, все освѣщая и пробуждая къ жизни. Нехотя, машинально, повернулъ я въ сторону города, все думая о томъ, что случилось; ничего не замѣчая и ничего не видя, вступилъ я на улицы

города и только родная улица вернула, наконецъ, меня къ дѣйствительности. Послышались знакомыя привѣтствія уличныхъ мальчишекъ, но, какъ и всегда, молча выслушавъ эти привѣтствія, я толкнулся въ двери своей квартиры. Мнѣ отворила хозяйка, — съ бѣдной женщиной чуть не сдѣлалась истерика.

Щука

Я лѣтомъ никакихъ другихъ удовольствій, кромѣ рыбной ловли, не признавалъ. И тѣмъ, которые трунили надъ моей слабостью къ рыбѣ и выставляли на видъ, что охота съ ружьемъ гораздо благороднѣе, — а то, что, дескать, рыба? всякій деревенскій мальчишка ловить рыбу, — я разражался приблизительно слѣдующей филиппикой:

— Охота съ ружьемъ? говорилъ я, — для охотника, кромѣ вѣрнаго глаза, хорошаго ружья и доброй собаки, ничего не нужно — увидѣлъ птицу, нацѣлился, бацъ — и готово, труда и славы никакой нѣтъ, или очень мало, а для рыбной ловли нужно много искусства; думаете: попала рыба на крючекъ, такъ и ваша? Какъ бы не такъ! Хватитъ какая-нибудь штука фунтовъ въ двѣнадцать, — да что въ двѣнадцать, даже если въ пять, въ шесть, — извольте-ка сначала ее поводить, да утомить, да подсачить, да смотрите въ оба, чтобы не сломала крючка, не порвала лесы и не переломила удилица — на все это сноровка нужна. А подсѣчка? Одна клюетъ такъ, другая иначе — угадать моментъ нужно. Охотнику дичь ищетъ собака, а тутъ извольте сами осмотрѣть рѣку, сами разузнавайте по примѣтамъ, гдѣ какая рыба держится, нужно знать ея привычки, ея вкусъ; одна идетъ на одно, другая на другое, да берите въ расчетъ время года, состояніе погоды, а охотнику что — ему рѣшительно все равно, что ѣсть рябчикъ и когда онъ встаетъ и когда ложится спать, а для рыболова всю обыденную жизнь рыбы надо знать, чтобы успѣшно ловить. Да мало ли еще что! Вотъ что-съ! оканчивалъ я свою рѣчь.

Я рыбой былъ занятъ съ утра до ночи и съ ночи до утра. Спалъ и видѣлъ рыбу: едва только закрою глаза, а передо мною уже темная поверхность рѣки и на ней дрожить, опускается и поднимается бѣлый гусиный поплавокъ. Прилягу днемъ, просто такъ, и только стоитъ закрыть глаза, какъ опять рѣка и неизмѣнный гусиный поплавокъ. Я вамъ скажу, что даже меня это въ первое время раздражало — нарочно открою глаза, стану думать о другомъ, думаю, думаю, но только закрою глаза, какъ опять та же рѣка и тотъ же дрожащій поплавокъ.

Мечты мои были заняты также рыбой: выдумывалъ разныя снасти да приманки, и, между прочимъ, скажу — благо къ слову пришлось — вздумалъ насаживать паюсную икру, скатывая ее катышками, свѣжей не было. И ничего — не дурно брались подлещики и ерши. Думаю, на свѣжую пойдетъ лучше.

Хотѣлъ-было объ этомъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, да все, какъ-то, времени не было, да признаться и лѣнь.

Вотъ такимъ-то образомъ я и проводилъ лѣто. Только познакомился я съ сосѣдомъ-помѣщикомъ, недавно пріѣхавшимъ въ свое имѣніе, а то все пропадалъ гдѣ-то въ столицахъ, да за границей. Познакомился и съ его дочкой, Лидіей Владиміровной, хорошенькой барышней, да притомъ и съ хорошимъ приданымъ. У насъ же женихами хоть прудъ пруди — всѣ такъ и накинулись, какъ рыба на приманку. Только замѣтилъ я, хоть бывалъ тамъ рѣдко, — не хотѣлъ пропускать своего уженья, — что больше всѣхъ вниманія она обращала на одного молодого человѣка, помѣщика Лялина, да на меня.

И не знаю, какъ это случилось, надо полагать невзначай, но только однажды вечеромъ, когда я ловилъ рыбу, вдругъ изъ лѣска, раздѣлявшаго наши усадьбы, вышла Лидія Владиміровна и подошла ко мнѣ. Ну, понятно, начались разговоры, то да се, и стало повторяться это каждый день, т.-е., вѣрнѣе сказать, каждый вечеръ.

Ну, ужъ какое тутъ уженье, когда подъ бокомъ мѣшаютъ разговорами, но все-таки я не бросалъ удочекъ и продолжалъ ловить, хоть и не такъ успѣшно, какъ прежде. Пробовалъ-было намекнуть, что отчего бы не приходитъ ей попозже, такъ часовъ въ восемь, да не поняла: должно-быть, слишкомъ туманно намекалъ, ну, а яснѣе неловко было сказать.

Такъ продолжалось около мѣсяца, и однажды, поразобравши свои чувства къ сосѣдкѣ, я увидѣлъ, что люблю ее. Анализъ мой былъ всегда простъ, и совѣтую всѣмъ прибѣгать къ этому простому способу. Этотъ способъ выработался у меня, если можно такъ выразиться, практикой. Дѣло въ томъ, что всѣмъ и каждому понятно, я еще до знакомства съ своей сосѣдкой имѣлъ съ дамами и дѣвицами нѣсколько романовъ, повѣстей и рассказовъ, и бывало, какъ задамъ себѣ вопросъ: люблю ли я, или нѣтъ, то сейчасъ представляю эту особу лежащей въ гробу и мысленно совершу всю погребальную церемонію, и если мнѣ ничуть не жалко лежащей въ гробу, то значить все это вздоръ, просто такъ себѣ. Когда же я представилъ себѣ лежащей въ гробу Лидію Владиміровну, то почувствовалъ такую жалость, какъ никогда и ни къ кому, и какъ дошелъ до мѣста «Со святыми упокой», то даже слезы показались у меня на глазахъ. Съ той поры я искалъ предлога объясниться съ ней, но ничего не выходило: робость какая-то одолѣвала, глядя на ея равнодушный видъ. Богъ ее знаетъ, любила она, или нѣтъ, хоть въ глубинѣ души и казалось мнѣ, что она тоже не совсѣмъ уже ко мнѣ равнодушна.

Помню, былъ отличный вечеръ; сидѣлъ я съ нею подъ дубомъ у самой рѣчки и, какъ водится, удилъ. Вечеръ, что ли, повліялъ и нагналъ на меня какое-то задумчивое настроеніе, но только вдругъ она спросила:

— Что вы сегодня такой скучный?

— Я скучный? отвѣчалъ я удивленно. — Почему вы думаете? Напротивъ, я всегда радъ, когда васъ вижу.

— Въ самомъ дѣлѣ? Благодарю за комплиментъ.

— Ничуть не комплиментъ, а правда. Впрочемъ, вы сами отлично это знаете.

— Я знаю? въ свою очередь удивленно какъ будто спросила она. — Я не могу знать, правду ли вы говорите, или нѣтъ!

— Славу Богу, вы не въ первый разъ меня видите. Зачѣмъ же прихожу я сюда? продолжалъ я и, желая увидѣть, какое впечатлѣніе произвела на нее эта фраза, чтобы не попасть впросакъ, посмотрѣлъ на нее, но она сидѣла нагнувшись и, Богъ ее знаетъ, притворялась или нѣтъ, разсматривала, водя пальцемъ по переднику, узоры на немъ. Она была въ русскомъ костюмѣ.

Я замолчалъ, молчала и она, но потомъ медленно такъ проговорила:

— Какой вы странный? Приходите за тѣмъ, чтобы ловить рыбу.

— Ловить рыбу?! переспросилъ я, немного даже обидясь, видя, какъ упорно свертываетъ она съ прямой дороги. — Вамъ даже грѣшно, Лидія Владиміровна, говорить это. Вы отлично знаете, за чѣмъ я прихожу сюда. Я прихожу, продолжалъ я съ какой-то отчаянной храбростью, — потому что... потому что... Но тутъ я замаялся и опять посмотрѣлъ на нее, а она подняла на меня глаза и проговорила смущенно:

— Что же — «потому что?»

И я замѣтилъ ея невольное движеніе ко мнѣ.

— Ну, потому что я... потому что... и я было приготовился обнять ее.

Но тутъ случилось свинство или, назовите, какъ хотите.

Только-что я хотѣлъ выговорить трудное слово, какъ, случайно взглянувъ на рѣку, увидѣлъ, что въ этотъ моментъ поплавокъ самой большой удочки, съ крючкомъ на струнѣ и насаженный живцомъ, мгновенно исчезъ подъ водой.

Я обомлѣлъ и съ самыми глупыми словами: «Смотрите! Смотрите!» бросился къ удилищу и схватилъ его, но, должно-быть, не крѣпко, такъ какъ оно было тотчасъ же у меня вырвано и наполовину исчезло подъ водою. Я, не помня себя, бросился въ лодку, — я пріѣзжалъ на лодкѣ, — и поплылъ за едва виднѣвшимся комлемъ удилища, стараясь схватить его, но не тутъ-то было — оно все ушло въ воду и я напрасно изъѣздилъ всѣ камыши, зная, что послѣ подобныхъ казусовъ рыба кидается туда, но удочки нигдѣ не находилъ. Я просто былъ внѣ себя. Наконецъ, видя, что все напрасно, я стремглавъ поплылъ назадъ, еще хорошенько не сознавая своего проступка и вполне поглощенный рыбачьимъ горемъ. Подъѣхалъ, но Лидіи Владиміровны уже не было на мѣстѣ. Я тутъ совсѣмъ спутался, кричалъ и звалъ ее — ни звука. Я еще долго ходилъ вокругъ этого мѣста, заглядывая въ лѣсокъ, и долго ужъ послѣ захода солнца вернулся домой, совершенно уничтоженный. Не теряя времени, я написалъ отчаянное, нѣжное, пылкое письмо и послалъ съ нарочнымъ —

письмо вернулось нераспечатаннымъ. Напрасно ходилъ нѣсколько дней на прежнее мѣсто — она не являлась. Такъ все и пропало. Она потомъ вышла замужъ за Лялина. А удочку я нашель черезъ два дня, въ верстѣ отъ того мѣста, въ камышахъ — тащу, слышу едва бьется и просто подлость — дрянная щука фунтовъ въ шесть. Съ той поры я этихъ мерзавокъ уничтожаю всѣми способами.

Курганъ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Это было давно, какъ говорится въ одной сказкѣ:

Тому назадъ лѣтъ тысячу,
А, можетъ, даже болѣе,
Когда водились лѣшіе,
Русалки, вѣдьмы, дьяволы,
И жареная по лѣсу
Летала птица всякая—
Тогда въ то время дивное,

Въ далекомъ царствѣ, за моремъ, жилъ да былъ одинъ мужикъ, да такой неудачный — за что ни примется, ничего не выходило. Кажется, и землю хорошо вспашетъ, и зерно хорошее посѣетъ, наработается до поту, такъ-что съ ногъ валится, а не родился хлѣбъ, а если и родился, то такой плохой, что и смотрѣть жалко. Да все-таки, несмотря, что другой разъ и поѣсть было нечего, даже куска черствоваго хлѣба не было, а жилъ онъ съ своей женой Марьей душа въ душу, никогда не ссорился и не бранился. Хорошей помощницей была ему жена, работающая была такая, добрая, да ласковая. Но еще туже пришлось мужику, когда родился у него сынъ, хоть и былъ онъ съ женой радъ, что Господь далъ ему сына: выростить, работникомъ будетъ, отцу да матери помощь, да пока малъ — сколько уходу нужно, и жена ужъ не могла такъ помогать мужу, какъ прежде — все же ребенокъ мѣшалъ. А сынъ вышелъ у него такой славный, назвали его Петрусемъ. Хотя и малъ еще былъ, всего второй годъ пошелъ, да такой былъ удалый, да рѣзвый, что бывало отецъ и мать не налюбуются на него. Только, недалеко отъ деревни, гдѣ они жили, былъ большой и густой лѣсъ и въ томъ лѣсу жила старая вѣдьма — только тѣмъ и занималась, что прикинется доброй старушкой, ходитъ между людьми да разныя ссоры и смуты заводитъ: то мужика съ бабой поссорить, то отца съ дѣтьми, — не могла только до сихъ поръ поссорить нашего мужичка съ его женой Марьей. «Какъ это, думала вѣдьма, — и ѣсть-то нечего, и одѣть-то нечего, живутъ хуже всякаго нищаго, а не ссорятся; другіе вонъ и богаты, все, все есть и желать нечего, а нѣтъ, нѣтъ — и побранятся за пустякъ какой, да

еще и какъ побранятся — только душа моя радуется. — Дай-ко-сь, попробую поссорить ихъ деньгами. Ужъ очень падки люди на деньги — готовы не только отца, мать, дѣтей забыть, а и убить даже кого». Подумала это вѣдьма и рѣшилась исполнить.

Наступилъ канунъ Рождества. Мужикъ еще съ утра отправился въ одно село верстъ за двадцать кое-что купить къ празднику.

Уже вечерѣло. Марья сидѣла около люльки, гдѣ сладко спалъ Петрусь.

— Чтой-то Иванъ не идетъ? подумала она. — Кажись бы и пора. Не стряслось ли съ нимъ чего не добраго. Сохрани Богъ! Съ этой мыслью встала она и затеплила лампадку передъ образомъ. Потомъ полѣзла въ печь, вынула горшокъ пустыхъ щей, хлѣба ломоть, кружку съ квасомъ и поставила на столъ. Только-что она все это устала, какъ послышался стукъ въ дверь.

— Никакъ Иванъ, подумала Марья и бросилась отворять двери. Но вмѣсто Ивана вошла старая, старая, дряхлая старушка, въ изорванной и изодранной шубейкѣ.

— Охъ! охъ! охъ! застонала она. — Вся-то измаялась, думала и не дойду. Дай отогрѣться у тебя, кормилица, ну ужъ и морозъ!

— Садись, бабушка, садись вотъ тутъ у печи, отвѣчала Марья и подкинула въ печь еще пучекъ хворосту.

— Издалека идешь, что ли?

— Охъ, издалека, издалека, истомилась, не чаяла и въ живыхъ быть.

— Да ты поѣшь, бабушка, и Марья придвинула ей миску со щами.

«Ничего, пусть поѣстъ, думала она, ишь бѣдная, а мы съ Иваномъ и такъ обойдемся, авось, и привезетъ что». Старуха живо съѣла всю чашку щей, весь хлѣбъ и все запила квасомъ.

— Ну, благодарствуй, молодка, пріютила и накормила меня убогую, теперь и идти нужно.

— Что ты, бабушка, останься переночевать, мѣсто-то найдется, куда на ночь глядя-то идти. Лягъ, отдохни.

— Нѣтъ, родимая, идти нужно, обѣтъ такой дала — долго мнѣ еще идти, а я тебѣ за то, что ты отогрѣла и накормила меня, отблагодарю. Погоди смѣяться-то, прибавила старуха, замѣтивъ, что Марья улыбнулась, — припасла кое-что для тебя. Куда мнѣ, старухѣ, мнѣ грѣхи замаливать нужно, въ гробъ гляжу, а ты еще молода, тебѣ нужно. Слушай же, знаю я кладъ, богатый кладъ, никто этого клада не знаетъ, кромѣ меня. Богатой будешь, не то что теперь — ишь какая бѣдность, и старуха посмотрѣла вокругъ себя да нечаянно взглянула на образъ — строго смотрѣла съ него Матерь Божія — старуха отвернулась и заторопилась. — Слушай же, знаешь, гдѣ Лѣшевъ курганъ, около лѣса-то, на немъ еще такой большой камень. Ну, вотъ, ступай сегодня, когда я уйду, къ нему и стань ты спиной къ камню, а лицомъ — къ березѣ, что на берегу-то, и

только-только зайдетъ мѣсяцъ за эту березу, зашипить, затрещитъ камень и отвалится и увидишь отверстіе, иди туда смѣло и увидишь кучу золота и скорѣй набирай его, только услышишь, какъ опять зашипить камень, поскорѣй выбирайся, не то пропадешь. Только смотри, прибавила старуха, вставая: — не крестись, не молись, а то худо будетъ. Иди же. Бываетъ это только разъ въ году, только въ сочельникъ! Сказала это старуха и ушла, да какъ уходила, ворвался сильный вихрь въ дверь и потушилъ лампадку. Зажгла ее опять Марья и задумалась: идти или не идти? «Что-жъ, думаетъ она, неужто старуха за мою-то хлѣбъ да соль зломъ отплатить. Не можетъ того быть. Пойду. То-то Иванъ обрадуется — заживемъ боярами». Съ этими мыслями вынула она Петруся изъ люльки, завернула въ теплое тряпье, обернула еще его своей шубой и пошла. На дворѣ было морозно, дулъ сильный вѣтеръ и взметалъ снѣгъ. Вотъ она прошла уже деревню и почти бѣгомъ направилась къ кургану, стоявшему одиноко около рѣки. Съ двухъ сторонъ облегалъ его густой лѣсъ. Вотъ и курганъ. Остановилась Марья, перевела дыханіе и вдругъ жутко-жутко сдѣлалось ей на сердцѣ и уже хотѣла перекреститься, да вспомнила про старуху и остановилась. Повернулась лицомъ къ березѣ и смотритъ. Мѣсяцъ уже сталъ заходить за нее. Вотъ больше, больше — и совсѣмъ скрылся за толстымъ стволомъ. Зашумѣло, заскрипѣло на курганѣ — упало сердце у Марьи, бросилась-было бѣжать, да вспомнила про бѣдноту свою, обернулась и вошла въ отверстіе. Смотритъ, а вдали что-то такъ и сіяетъ. Пошла дальше и очутилась какъ будто въ горницѣ: свѣтло, какъ днемъ, золото по угламъ такъ и блеститъ. Заглядѣлась-было Марья, да спохватилась. Положила Петруся на первую попавшуюся кучу золота, а сама давай собирать золото въ подоль. Глаза такъ и бѣгаютъ у Марьи, руки дрожатъ. «Ахъ, кабы да все намъ», думаетъ она, а сама такъ пригоршнями и набираетъ золото.

Вдругъ зашипѣло снаружи кургана. Захватила Марья еще пясточку золота и бросилась вонъ. Только успѣла выскочить — и захлопнулся камень; только захлопнулся онъ, какъ вскрикнетъ Марья: «Петрусь, Петрусь!» Забыла она за золотомъ сына въ курганѣ. Кричитъ Марья, одной рукой держитъ подоль съ золотомъ, а другой старается камень приподнять, да гдѣ тутъ. Разносить голосъ ея вьюга, сыплеть въ нее снѣгомъ, — тяжелъ и крѣпокъ камень, не поднять его ничѣмъ и не проточить ей его своими горькими слезами. «Петрусь, Петрусь! жалобно кричитъ она. — Петрусь!», но никто не слышитъ ея голоса. «Позову народъ, думаетъ она, и бросилась, что есть духу, въ деревню.

Вотъ и хата, а на порогѣ стоитъ возвратившійся мужъ ея. Какъ вкопанная, остановилась она и слова замерли на губахъ.

— Марья, это ты? Гдѣ ты запропастилась, да еще въ эдакую непогоду, — прости, Господи!

Ничего не отвѣтила Марья, помутилось у ней въ головѣ, понурила она ее и, какъ тѣнь, проскользнула въ дверь и усѣлась противъ пустой люльки, а рукой всё подолъ придерживаетъ.

— Да что ты, Марья, что съ тобой, иль приключись что? гдѣ Петрусь? и съ этими словами отдернулъ онъ руки жены и посыпались по полу яркіе червонцы.

Отшатнулся Иванъ, всплеснулъ руками и вскрикнулъ:

— Золото? откуда это у тебя? а? и, нагнувшись, сталъ подбирать ихъ, а Марья, какъ вкопанная, сидитъ и глазъ не спускаетъ съ люльки. Вдругъ, какъ будто, что толкнуло Ивана, приподнялся онъ, взглянулъ на жену, поблѣднѣлъ и проговорилъ:

— Золото... а Петрусь?

— Петрусь, прошептали ея блѣдныя губы. — Петрусь! и, громко зарыдавъ, упала она въ ноги Ивану и повинилась во всемъ.

Страшное лицо сдѣлалось у Ивана, никто и никогда до сихъ поръ не видѣлъ у него такого лица. Поднялъ онъ руку и произнесъ:

— Будь же ты про... — но тутъ голосъ его дрогнулъ, взглянулъ онъ на образъ — кротко смотрѣлъ ликъ Божіей Матери. — Будь оно проклято, это золото, отнявшее у меня Петруся! громко вскрикнулъ онъ! — А ты иди за мной! — Только-что онъ признаетъ проклятіе, какъ сразу все золото обратилось въ простыя уголья. Насильно поднялъ Иванъ жену и вышелъ съ ней изъ хаты. Мигомъ собралась по его зову вся деревня, и гурьбой отправились къ кургану. Но напрасно рыли они заступами землю, напрасно старались отвалить или раздробить камень, какъ о камень притуплялись о землю ихъ лопаты и какъ желѣзо былъ крѣпокъ камень.

Долго они работали. На небѣ заря уже занималась, а все ничего не сдѣлали. — «Проклятое мѣсто, проговорилъ одинъ сѣдой мужикъ: — ничего тутъ не будетъ. Одинъ грѣхъ!» — «Нечистое это дѣло нечистое», шепталъ другой мужикъ. — «Гдѣ противъ чорта бороться, жаль парнишки, а дѣлать-то видно нечего. Идти нужно, ишь ужъ солнце встаетъ». Заторопился народъ, сталъ уходить. — «Стойте православные! крикнулъ Иванъ и схватилъ Марью за руку: — слушайте всѣ, слушайте! Будь же ты проклята отъ людей и отъ Бога, что промѣняла сына своего на золото!» — Сказалъ и подхватилъ вихрь слова его и разнесъ повсюду. Съ силою оттолкнулъ отъ себя Иванъ жену и, какъ снопъ, повалилась она на землю. Осталась Марья одна у кургана, приподнялась, не плачетъ, сидитъ — уставившись въ камень. Вѣтеръ треплетъ ей волосы, забирается въ одежду, заметаешь снѣгомъ — ничего не слышитъ и не чувствуетъ она. Воетъ вѣтеръ, шумятъ въ лѣсу деревья, шумъ, гамъ и стонъ стоитъ въ воздухѣ, какъ будто нечистая сила, какъ будто вѣдьма празднуетъ и радуется злему дѣлу.

На утро опять повалилъ народъ къ кургану, а Марья, какъ безумная, ходитъ вокругъ него и пришептываетъ, припадетъ ухомъ къ нему и жалобно, жалобно зоветъ: «Петрусь, Петрусь!» Пробовали-было утѣшить ее, больно ужъ жалко смотрѣть, да ничего Марья не видитъ, не слышитъ, никого не узнаетъ, такъ и бросили. Послѣ этого еще два дня видѣли ее около кургана, а на четвертый день Марья какъ въ воду канула, пробовали ее искать, кликать, да гдѣ тутъ — либо дикіе звѣри растерзали её, либо сама наложила на себя руки и лежитъ гдѣ-нибудь непогребенная.

Наступила весна, распустились почки на деревьяхъ, зазеленѣли луга, покрылся и курганъ травой и цвѣтами. Заработалъ народъ въ полѣ: кто пашетъ, кто сѣетъ, — не работаетъ одинъ Иванъ: запилъ онъ съ горя, сидитъ либо въ кабацѣ, либо пьяный лежитъ дома.

Пропилъ онъ все, и лошадку, и сбрую, и скотину, какая у него была. Ходитъ всклокоченный, грязный, оборванный. Запиваетъ онъ свое горе и никакъ не можетъ запить — все у него передъ глазами Марья съ Петрусемъ на рукахъ.

Вотъ и рожь стала поспѣвать, собираются бабы ее жать. Тутъ впервые и слухъ о Марьѣ проявился. Рассказывали проѣзжіе мужики, что видѣли ее въ разныхъ святыхъ мѣстахъ. Ходитъ по монастырямъ и обителямъ и грѣхъ свой тяжкій замаливаетъ.

Задули вѣтры, посыпался желтый листь съ деревьевъ, пожелтѣла трава, обсыпали цвѣты свои пестрыя, яркія головки, отлетѣли пташки въ теплыя страны, пошли дожди и прошли, повалилъ снѣгъ, стали замерзать рѣки и скоро вся земля одѣлась снѣгомъ, какъ саваномъ. Побѣлѣлъ и курганъ, стоитъ онъ большой бѣлой шапкой, ни былинки на немъ не видно, ни кустика — пусто и голо на немъ и только вороны иногда садятся на его вершину, покаркаютъ и опять полетятъ прочь. Скоро вотъ и Рождество; забыли почти на деревнѣ про Марью, да она тутъ и сама явилась. Ходитъ по деревнѣ худая такая да страшная; посѣдѣла вся, ни на кого не смотритъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, только все что-то шепчетъ да шепчетъ. Сказали про Марью Ивану, а тотъ только рукою махнулъ и пуще запилъ. Морозная ночь была въ сочельникъ. Алмазными искрами блестѣлъ снѣгъ подъ мѣсяцемъ.

Но кто стоитъ около кургана? Это Марья стоитъ, вытянула руки и смотритъ на мѣсяцъ, а онъ медленно плыветъ по небу, освѣщаетъ ея посинѣвшее лицо, ея опухшіе красные глаза, ея сѣдые, покрытые ледяной корой волосы. Стоитъ она и что-то шепчетъ и слезы текутъ у ней изъ глазъ, но не падаютъ онѣ на снѣгъ, а замерзаютъ у ней на лицѣ ледяными сосульками. А мѣсяцъ ужъ за березу сталъ заходить, вотъ и больше, и больше. Стоитъ Марья, глазъ съ него не спускаетъ, вотъ только краешекъ виденъ мѣсяца, все меньше, меньше дѣлается онъ и пересталъ мѣсяцъ освѣщать лицо Марьи, скрылся онъ за березой. Зашипѣлъ, затрещалъ камень — началъ отваливаться. Стоитъ Марья

не шелохнется, слушаетъ, перестала шептать. Отвалился камень совсѣмъ, показалось отверстіе. А Марья стоитъ, какъ вкопанная, и дрожить вся — вдругъ какъ бросится на колѣни, перекрестилась, вскочила опять и хочетъ идти въ курганъ, да ноги не слушаются, подкашиваются. Пересилила она себя, положила опять крестное знаменіе и бѣгомъ пустилась въ отверстіе, вскочила внутрь его, вскочила и остановилась. Блеститъ вокругъ, а на кучѣ золота лежитъ ея Петрусь, лежитъ, улыбается, играетъ золотыми червонцами, увидѣлъ мать, протянулъ ручки и крикнулъ:

— Мамка, мамка!

Слезы брызнули изъ глазъ Марьи, съ крикомъ бросилась она къ нему, схватила въ свои объятія, стала цѣловать и прижимать къ наболѣвшей груди своей.

— Петрусь, Петрусь! шептала она, — Петрусь, сынокъ мой ненаглядный!

Зашипѣлъ, заскрипѣлъ камень. Кинулась Марья вонъ и, какъ вихрь, побѣжала въ деревню. Вотъ и хатка ея. А въ хатѣ сидитъ Иванъ, одинъ передъ люлькой, вспоминаетъ, что было годъ тому назадъ. Холодно въ хатѣ, пусто, только на полу еще все чернѣются уголья — золото. Вдругъ отворилась дверь и вбѣжала въ хату Марья.

— Иванъ — Петрусь, крикнула она и, упавъ на колѣни, протянула ему Петруся.

Вскочилъ Иванъ, стоитъ, смотритъ, глазамъ не вѣритъ, а Марья, радостная такая, все стоитъ на колѣняхъ, держитъ передъ нимъ Петруся, а онъ тянется къ отцу рученками.

— Петрусь, Петрусь, говорила Марья и слезы такъ и текутъ изъ глазъ. Перекрестился Иванъ, посмотрѣлъ на образъ, а Божія Матерь сморитъ на него такая свѣтлая да ясная.

Схватилъ Иванъ Петруся, поднялъ его высоко передъ собой, да какъ прижметъ къ себѣ и давай цѣловать. Вскочила Марья и бросилась мужу на шею.

— Коли Богъ тебя простилъ, то и я тебя прощаю, сказалъ онъ.

И съ тѣхъ поръ зажили они счастливо. А вѣдьма, какъ узнала про это, вскипѣла въ ней злоба, схватила своего кота подъ мышку, сѣла на помело и вылетѣла въ трубу своей хаты. Съ той поры ее и не видѣли.

Дуэль

НЕВѢРОЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

Вышла исторія: я погорячился и былъ вызванъ на дуэль. Секунданты сейчасъ же все устроили, условились, выбрали пистолеты, потомъ предложили помириться, что съ негодованіемъ было отвергнуто, не мною, конечно, а

моимъ противникомъ, и теперь мнѣ оставалось только одно — завтра, ровно въ шесть часовъ утра, быть убитымъ наповаль. А что буду убитъ именно я, не подлежало никакому сомнѣнію — противникъ мой отличный стрѣлокъ; по крайней мѣрѣ, онъ всегда хвастался своей мѣткостью, и хотя въ обыкновенное время я ему не вѣрилъ, но сегодня былъ склоненъ вѣрить самой невозможной мѣткости. Что же касается меня, то я всего одинъ разъ въ жизни держалъ въ рукахъ пистолеть, да и то игрушечный, когда восьмилѣтнимъ мальчикомъ пугалъ его пробочными выстрѣлами свою бабушку, при чемъ, кажется, пугался все-таки больше самъ я, чѣмъ она.

Перспектива быть убитымъ, хотя и при благородныхъ обстоятельствахъ, совсѣмъ мнѣ не нравилась, и я бы охотно уступилъ эту честь всякому желающему. Не соблазняли, хотя признаться немного тѣшили мое самолюбіе, могущія произойти по этому поводу мои пышныя похороны, съ массой народа, съ рѣчами и, пожалуй даже съ слезами моихъ близкихъ друзей, и которые бы навѣрное нашлись для этого случая. Ругая свой языкъ, который съ дней младенчества причинялъ мнѣ только однѣ непріятности, я, мрачный, безцѣльно бродилъ по городу, все думая объ этой исторіи и измышляя различныя средства, чтобы избѣжать дуэли. Нѣсколько разъ мнѣ приходило въ голову подвернуться подъ какой-нибудь экипажъ, чтобы меня слегка помяло, ушибло бы руку или ногу, и такимъ образомъ, придравшись къ этому обстоятельству, отложить дуэль на неопредѣленное время, а потомъ, какъ-нибудь, все это и перемололось бы. Но каждый разъ, какъ экипажъ готовъ былъ переѣхать меня, я неблагоприятно отстранялся и имѣлъ удовольствіе слышать отъ возницъ и сѣдоковъ довольно недвусмысленныя выраженія негодованія по моему адресу.

Пришлось этотъ способъ оставить и выдумать что-либо другое. Но больше, кромѣ бѣгства, рѣшительно ничего не лѣзло въ голову; бѣгство же считалось почему-то предосудительнымъ, и поэтому послѣднюю надежду пришлось выкинуть изъ головы. Къ концу дня въ головѣ у меня сдѣлался полнѣйшій кавардакъ и я впалъ въ какое-то безразличное состояніе — я ужъ ни о чемъ не думалъ — мнѣ было рѣшительно все равно, что бы ни случилось. Наступи, кажется, не только дуэль, но конецъ міра, — я бы совершенно спокойно, безъ протеста, занялъ бы отведенное мнѣ мѣсто въ аду. Въ душѣ, въ головѣ, на сердцѣ, однимъ словомъ во всемъ моемъ существѣ сдѣлалась, если можно такъ выразиться, какая-то пріятная пустота. Я безцѣльно шелъ впередъ, насвистывая и напѣвая всевозможныя аріи. Не знаю, долго ли бы продолжалось мое путешествіе, если бы я съ освѣщенныхъ, такъ-сказать, цивилизованныхъ улицъ вдругъ не вступилъ въ какой-то лабиринтъ закоулковъ съ переулками, безъ всякаго признака тротуара, съ китайской стѣной деревянныхъ заборовъ, кое-гдѣ свѣтящимися окошками низенькихъ

домовъ и безъ всякаго признака наружнаго освѣщенія. Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ въ этомъ лабиринтѣ, я очутился, что называется, на краю свѣта: передо мной потянулись поля и неясной полосой зачернѣлся лѣсъ. Было пустынно и мрачно и только съ правой стороны дороги свѣтился всѣми своими закоптѣлыми и грязными окнами что-то въ родѣ постоялаго двора.

Все также машинально я подошелъ къ двери этого дома, откуда слышался шумный говоръ, отворилъ ее и очутился внутри грязнаго кабака, самаго послѣдняго разбора.

Производить фуроръ чрезвычайно пріятно — и я своимъ появленіемъ въ костюмѣ изящнаго джентльмена, среди десятка оборванныхъ и грязныхъ посѣтителей кабака, произвелъ положительно фуроръ, но этотъ фуроръ былъ мнѣ совсѣмъ непріятенъ и моего безразличнаго состоянія какъ не бывало. Будь на моемъ мѣстѣ самый послѣдній простофиля, который бы не могъ отличить сосны отъ карася, и тотъ бы сразу увидалъ, что попалъ совсѣмъ не туда, что попалъ въ самую подозрительную компанію, не дѣлающую, что бы тамъ ни говорили, рѣшительно никакой чести ея сочлену. Однимъ словомъ, всё окружающее, начиная съ лампы, заправленной навѣрное краденымъ керосиномъ, и кончая жирной, отвратительной фізіономіей самого хозяина, стоявшаго за стойкой, говорило, что я просто попалъ въ воровской притонъ.

Моя первая мысль, какъ только я переступилъ порогъ, была, что меня навѣрное примутъ за полицейскаго, за сыщика, и безъ всякихъ предисловіи, отправятъ раньше условленнаго срока съ моимъ противникомъ на тотъ свѣтъ. Положимъ, говорятъ, что часомъ раньше умереть, часомъ позже — все равно, но я съ этимъ никогда не былъ согласенъ и никогда не соглашусь. Вторая же мысль — какъ можно скорѣе уйти, но я не рѣшился привести ее въ исполненіе, такъ какъ ясно видѣлъ, что со мной не разстанутся безъ какого-либо вознагражденія съ моей стороны за лишеніе компаніи такого члена, какимъ былъ я. Безъ хвастовства, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что моя особа произвела на всѣхъ присутствовавшихъ отличное впечатлѣніе — я рѣшительно всѣмъ понравился — если не лицомъ и фигурой, то платьемъ, а, главное, толстой золотой часовой цѣпочкой, живописно болтавшейся у меня на животѣ. Скрѣпя сердце, безмолвно усѣлся я около стола, самаго близкаго къ выходной двери, спугнувъ съ него сперва большого сѣраго кота, — кажется, единственнаго порядочнаго субъекта во всей засѣдавшей тутъ компаніи. Киска съ неудовольствіемъ встала, изобразила изъ себя одногорбаго верблюда и ушла на подоконникъ. Дѣло было просто дрянъ, и мнѣ въ утѣшеіе оставалось только положиться на свою горемычную звѣзду, навѣрное самую тусклую на всемъ небѣ.

Не успѣлъ я сѣсть, какъ передо мной, точно изъ земли, выросъ какой-то парень, подвязанный дальнимъ родственникомъ бѣлаго передника, и вопросительно-удивленно уставился на меня.

— Бутылку мадеры! сказалъ я, насколько могъ, развязно и покосился на окружающихъ, все еще хранившихъ упорное молчаніе съ самаго момента моего прихода и пристально разсматривавшихъ меня. Я такъ и чувствовалъ, какъ взгляды ихъ то шарили у меня въ карманѣ пальто, то въ жилетѣ, то въ сюртукѣ.

— Мадеры-съ?.. Не угодно ли, господинъ, у насъ есть отдѣльные покойчики для чистыхъ гостей, а то тутъ, помилуйте-съ, не хорошо.

Я подозрительно взглянулъ на парня, не подразумѣваетъ ли онъ подъ словомъ «покойчикъ» слово «покойникъ». По крайней мѣрѣ, у меня два эти понятія сейчасъ же связались вмѣстѣ, и такъ какъ я не имѣлъ еще ни малѣйшаго желанія облечься въ это званіе, то поторопился отказаться наотрѣзъ, сказавъ, что мнѣ и тутъ совсѣмъ хорошо.

— Какъ угодно-съ... Только мадеры у насъ нѣтъ-съ... Водки-съ, пива сколько угодно-съ...

— Ну, такъ водки... Бутылку!..

Парень вмѣсто отвѣта круто повернулся и побѣжалъ, но на полпути къ стойкѣ былъ изловленъ, за фартукъ какимъ-то старикомъ, обладателемъ небритой фізіономіи съ длиннымъ носомъ и одѣтымъ во что-то среднее между женской кофтой и фракомъ. До этого момента старикъ все время перешептывался съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ, грязнымъ, всклокоченнымъ и оборваннымъ, пожилымъ жидкомъ, не знаю навѣрно какого колѣна, но по всѣмъ вѣроятіямъ Гадова, какъ, кажется, самаго распространеннаго изъ всѣхъ колѣнъ израильскихъ.

— Что они спрашивали? донесся до меня шопотъ старика.

— Мадеры!... и парень исчезъ за стойкой.

— Мадеры? вполголоса повторилъ старикъ, и обвелъ носомъ по воздуху, какъ будто что-то нюхая, потомъ, взглянувъ на меня, засѣменилъ къ стойкѣ, около которой собралась уже порядочная компанія, вполголоса разговаривавшая съ хозяиномъ. Отъ этой компаніи скоро отдѣлились нѣсколько человѣкъ и исчезли въ дверяхъ.

Очевидно, дѣло принимало дурной оборотъ, и, чтобы не присутствовать при дикой и безобразной сценѣ убійства собственной своей особы, что не представляло ничего не вѣроятнаго, я твердо рѣшился напиться до невозможности, что и началъ приводить въ исполненіе, выпивъ почти залпомъ два стакана того напитка, который парень называлъ почему-то водкой.

Не успѣлъ я осушить третьяго стакана, какъ ко мнѣ подошелъ хозяинъ, видимо употреблявшій невѣроятныя усилія, чтобы придать своей физиономіи привѣтливый видъ.

— Вы ужъ извините, господинъ, мадеры-то у насъ нѣтъ. Радъ бы услужить ужъ, да что подѣлаете-съ. Сами изволите видѣть, какой у насъ народъ-съ — все рабочій, бѣдность-съ, до мадеры ли имъ? была бы водка-съ. А вотъ сколько лѣтъ мы торгуемъ тутъ, а въ первый разъ видимъ, чтобы зашелъ такой человекъ, какъ вы-съ, ну, и не держимъ-съ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста! У васъ и водка хороша! сказалъ я, желая задобрить хозяина, съ отвращеніемъ оканчивая стаканъ. Навѣрное этотъ господинъ что-нибудь да подмѣшивалъ въ водку для приданія ей того гнуснѣйшаго вкуса, которымъ отличался этотъ напитокъ, а, можетъ-быть, и для болѣе сильнаго дѣйствія, такъ какъ съ трехъ стакановъ у меня уже начинало шумѣть въ головѣ и все окружающее начинало казаться не такимъ подозрительнымъ.

— Водка-съ первый сортъ-съ... а могу полюбопытствовать, какъ вы, то-есть, сюда-съ зашли? Должно-быть, мимоходомъ-съ, гуляли-съ...

— Да, просто такъ, гулялъ и не замѣтилъ, какъ попалъ въ ваши края — вижу, свѣтитса, дай, думаю, зайду и отдохну...

— Такъ-съ, такъ-съ! задумчивымъ тономъ произнёсъ хозяинъ, очевидно, не вѣря ни одному моему слову и считая меня не тѣмъ, чѣмъ я былъ.

— Да вы присядьте! Что вы стоите? Не хотите ли выпить со мной. Одному мнѣ, право, скучно. Я люблю компанію.

Я рѣшилъ вдругъ, во что бы то ни стало, понравиться ему.

— Ничего-съ... мы постоимъ... Впрочемъ, если позволите... и онъ, безъ дальнѣйшихъ предисловій, грузно усѣлся на табуретъ рядомъ со мной и мигнулъ парню, который живо принесъ еще стаканъ.

— Такъ гуляли-съ... началъ опять кабатчикъ...

— Да, гулялъ, а что?

— Нѣтъ, ничего-съ. Я собственно хотѣлъ сказать, что мѣста-то наши глухія, неудобныя мѣста-съ. Впрочемъ, относительно чего другого-съ у насъ тихо, отвѣчалъ кабатчикъ, не глядя на меня и устремивъ свои заплывшіе жиромъ глаза въ потолокъ, какъ будто увидѣлъ тамъ нѣчто, чрезвычайно интересное.

— Тихо? переспросилъ я, не зная, что ему отвѣчать.

— Тихо-съ. Народъ, знаете, трудовой. День на работѣ, а ночь спать. Развѣ что найдутъ сюда покалякать, да выпить. Сами знаете-съ, безъ этого нельзя. Наработается за день-то, отдохнуть въ компаніи оно и пріятно. Выпьютъ другой разъ, нечего грѣха таить-съ, и сильно выпьютъ, но чтобъ озорничать — не бывало-съ. У другихъ вотъ безъ чего-нибудь ни одинъ день не обойдется, а у насъ тихо-съ. А чѣмъ вы изволите заниматься?

Подъ вліяніемъ водки и плавной рѣчи своего собесѣдника я сталъ уже подремывать и этотъ неожиданный вопросъ засталъ меня врасплохъ. Я приподнялъ голову и мой удивительный языкъ, шедшій постоянно наперекоръ всякому здравому смыслу и подвергавшій постоянно своего владѣльца различнымъ непріятностямъ, и тутъ не бросилъ своей привычки и брякнулъ совсѣмъ несообразное слово, отъ котораго не только я самъ сейчасъ же встrepенулся, но встrepенулся и кабатчикъ, чему ясно и громко засвидѣтельствовалъ сильный скрипъ табуретки, на которой онъ сидѣлъ. Встrepенулись и ближайшіе мои сосѣди, сейчасъ же подошедшіе почти вплотную къ столу и устремившіе на меня какой-то неопредѣленный взглядъ. Даже котъ — и тотъ неодобрительно прищурился и отвернулся.

Однимъ словомъ, тотъ господинъ, сидѣвшій у меня во рту и болтавшій всегда во вредъ мнѣ разный вздоръ, сказалъ, что я писатель, и не говоря уже о томъ, что онъ совралъ, потому что я никогда не былъ писателемъ и никогда не желалъ имъ быть, онъ прямо поступилъ крайне скверно.

— Писатель?! наконецъ, протянулъ кабатчикъ. — То-есть, какъ же-съ это?

— Вотъ видите ли, писатель это тотъ, который пишетъ. Положимъ, увидить что-нибудь, ну и опишетъ, сказалъ я успокоительнымъ тономъ эту фразу, которая, здраво рассуждая, была бы похожа на то, если бы мнѣ сказали, яко бы ради моего успокоенія: «ничего, господинъ, мы сейчасъ васъ зарѣжемъ». Но въ данной фразѣ я былъ ни при чемъ: она сама собой вышла, противъ всякаго моего желанія и наперекоръ моему благоразумію.

— Такъ-съ, такъ-съ. Стало-быть, такъ надо понимать, что вотъ хоть тепереча вы тутъ, а потомъ придете, значитъ, къ себѣ и опишите.

Я ничего не отвѣтилъ, рѣшившись порвать всякія сношенія со своимъ языкомъ, который, видимо, рѣшился ускорить развязку еще до полнаго моего опьянѣнія. Протянувъ руку къ налитому стакану, я залпомъ выпилъ его, опять налилъ и опять выпилъ.

Въ головѣ у меня уже производилась кѣмъ-то какая-то работа — шумъ стоялъ страшный, а эти два стакана, видимо, прибавили силы работавшимъ, такъ какъ послѣ нихъ поднялся такой шумъ, что я только смутно сталъ слышать вдругъ поднявшійся говоръ вокругъ себя и только ощущалъ иногда, какъ меня кто-то дергалъ за рукава и полы пальто, — это, безъ сомнѣнія, вызванные отъ бездѣйствія моимъ дурацкимъ языкомъ, не говоря худого слова, уже оцѣнивали добротность матеріи. И вдругъ меня охватило непреодолимое желаніе вырваться отсюда, поскорѣе вырваться. Я пересталъ обращать вниманіе какъ на хозяина, все что-то говорившаго, такъ и на другихъ, вплотную окружавшихъ меня. Тысячи плановъ зароились у меня въ головѣ, опережая одинъ другого съ страшной быстротой, и, благодаря этому, я ни одного не могъ уловить — отъ одного оставалось у меня начало, отъ

другого конецъ, ни одной середины, все какіе-то кончики и обрывки. Не знаю, какое отношеніе могъ имѣть ко мнѣ въ настоящемъ моемъ горемычномъ положеніи царь Навуходоносоръ, но имя этого злополучнаго царя стало быстро вертѣться у меня въ головѣ. Повертѣвшись, оно уступило мѣсто Шехерезадѣ... и блестящая мысль освѣтила мой отуманенный мозгъ. Простолюдинъ, соображалъ я, любитъ слушать разныя исторіи и сказки. Не начать ли рассказывать какую-либо интересную исторію? Они заслушаются и я... Надо только поскорѣй придумать. Но что придумать? Ахъ, да, вотъ развѣ. Мнѣ вспомнилась какая-то исторія, въ которой фигурировалъ какой-то субъектъ и какое-то животное, но въ чемъ заключался рассказъ, я не могъ вспомнить — мѣшали какъ неумолчный шумъ въ головѣ, такъ и что-то другое, сейчасъ же оказавшееся рукой моего собесѣдника, дергавшаго меня за пальто и повторявшаго.

— Господинъ... послушайте, что же это вы?

— А... гм... тутъ я провелъ рукой по головѣ, стараясь пересилить свое опьянѣніе. — Видите ли, и-с-т-о-р-і-я... Гм... одинъ господинъ... началъ я.

— Чего изволите говорить? перебилъ меня кабатчикъ.

— Я говорю, что одинъ господинъ... Впрочемъ, нѣтъ... одинъ мальчикъ... да... да... именно одинъ мальчикъ... нѣтъ, не мальчикъ, а одинъ быкъ, произнесъ, наконецъ, я рѣшительнымъ тономъ и устоялся на хозяина.

— Быкъ-съ?

— Да, быкъ.

— Какой быкъ?

— Какой... гм... какой... ч-е-р-к-а-с-с-к-і-й быкъ... закончилъ вялымъ тономъ я свой рассказъ...

— Такъ вы... началъ-было мой слушатель, но тутъ произошло нѣчто необыкновенное...

Дверь съ шумомъ отворилась и вошелъ ни кто иной, какъ своей тучной и скверной фигурой мой противникъ. Видимо онъ уже былъ сильно на-веселѣ и, не обративъ никакого вниманія на окружающую обстановку, какъ будто онъ уже привыкъ къ этому, что я всегда подозрѣвалъ, бухнулся на первый попавшійся пустой табуретъ и спросилъ водки. Сначала, увидѣвъ его, я удивился, потомъ обрадовался, подумавъ, что вмѣстѣ съ нимъ мы составимъ коалицію, но сейчасъ же гордость взяла свое и я озлобился, видя въ немъ всю причину горемычнаго своего положенія. Озлобился, и тутъ же мелькнула въ головѣ мысль выдать его головой, объявивъ, что онъ не кто иной, какъ сыщикъ, и что я зналъ это, зналъ, что онъ придетъ, и я нарочно пришелъ сюда предупредить всю компанію, потому что я самъ мошенникъ и мнѣ будетъ съ руки, если его уничтожатъ. Но сейчасъ же я сообразилъ, что мнѣ не повѣрятъ, а если сдѣлаютъ видъ, что повѣрили, то все равно — попадетъ и ему и мнѣ.

Вслѣдъ за озлобленіемъ я опять обрадовался, подумавъ, что навѣрное привели его сюда тѣ же обстоятельства, что и меня. «Небось, струсилъ голубчикъ», съ злорадствомъ думалъ я, съ ненавистью глядя на его жирное лицо.

Появленіе новаго джентльмена поразило всю компанію столбнякомъ. Всѣ затихли и посматривали то на него, то на меня, очевидно, видя въ этомъ совпадении что-то странное, какую-то связь между мной и имъ. Это неестественное молчаніе, наконецъ, обратило на себя вниманіе и моего противника. Онъ оглянулся кругомъ и встрѣтилъ мой взглядъ. Видимо, онъ былъ ошеломленъ и, поставивъ обратно на столъ стаканъ, приготовясь его выпить, молча глядѣлъ на меня.

Я небрежно засунулъ руки въ карманы и вызывающе, нахально смотрѣлъ на него.

— Кажется, это вы?! слышался, наконецъ, его голосъ.

— Да, это я?

— Это вы! съ этими словами онъ осушилъ свой стаканъ и налилъ себѣ еще.

— Какъ же это вы здѣсь очутились? спросилъ онъ небрежно.

— Такъ же, какъ и вы... Впрочемъ, если вы тутъ живете, вотъ съ этими кавалерами, то я могу и уйти, отвѣчалъ я, стараясь уязвить его какъ можно больнѣе. По лицу его я замѣтилъ въ немъ такое же желаніе и рѣшилъ не оставаться въ долгу.

— О, не беспокойтесь: я по всему вижу, что вы не только сроднились съ этимъ избраннымъ обществомъ, но и родились въ немъ. И онъ всосалъ въ себя, какъ какая-нибудь губка, жидкость изъ стакана.

Я машинально сдѣлалъ то же и отвѣчалъ:

— Какъ ни лестно для меня знакомство и компанія съ такимъ рѣдкимъ экземпляромъ идиота, какъ вы, но, все-таки, я предпочитаю вамъ ту компанію, въ которой нахожусь.

— Болтайте, что хотите, отвѣчалъ онъ. — Я великодушно даю вамъ право говорить, что вамъ угодно до самой вашей смерти. Вѣдь завтра, или, вѣрнѣе сказать, сегодня, потому что уже первый часъ ночи, вамъ придется замолчать навсегда.

— Хвастунъ, закричалъ я, вскочивъ и сильно жестикулируя. — Безстыдный хвастунъ! Еще неизвѣстно, попадете ли вы въ меня, а я ужъ постараюсь доказать, какъ неудобно присутствіе свинцоваго груза въ вашей селезенкѣ.

Я почему-то облюбовалъ это мѣсто въ своемъ противникѣ.

— Судя по вашей мѣткости, моя селезенка окажется въ двухъ верстахъ разстоянія отъ моего тѣла, сказалъ мой противникъ.

Эта позорная для моей мѣткости выходка и въ особенности то спокойствіе, съ которымъ онъ отвѣчалъ на мои грубости, окончательно взбѣсили меня, тѣмъ болѣе, что его поддержалъ смѣхъ присутствовавшихъ. Не зная, что

отвѣтить, захлебываясь отъ избытка всего того, что я хотѣлъ бы сказать ему обиднаго, я категорически заявилъ, что не желаю больше сносить его оскорбленій и желаю драться сейчасъ же, сію минуту, не дожидаясь утра и не ѣздя на условленное мѣсто къ тремъ дубамъ, и сталъ требовать пистолетовъ во что бы то ни стало, радуясь въ глубинѣ души, что такъ ловко отдѣлалъ противника и выказалъ такую храбрость, которая, въ то же время, ровно ничего отъ меня не требовала, такъ какъ рѣшительно не было возможности достать пистолетовъ въ такое неурочное время.

Мой противникъ съ готовностью согласился сейчасъ же драться, предлагая, если пистолеты не найдутся, драться на ножахъ или на чемъ угодно. Но я на это не соглашался, требуя пистолетовъ и ссылаясь на святость условій дуэли. Къ моему величайшему негодованію, если не сказать больше, отвратительный хозяинъ сообщилъ, во-первыхъ, что онъ можетъ снабдить насъ сейчасъ же требуемымъ оружіемъ, что онъ далъ бы намъ ихъ и такъ, но, принимая во вниманіе нашу мѣткость, онъ увѣренъ, что дѣло не обойдется безъ полиціи, а потому пистолеты будутъ задержаны, но онъ возьметъ съ насъ пустяки, всего какихъ-нибудь пятьдесятъ рублей, а, во-вторыхъ, онъ, сказалъ, что и три дубка всего въ какой-нибудь верстѣ отъ его заведенія. Съ этими словами онъ вышелъ.

Это непрошенное заявленіе кабатчика о пистолетахъ подѣйствовало на меня самымъ сквернымъ, удручающимъ душу образомъ. Я безмолвно опустился на стулъ и только-что коснулся сидѣнья, какъ въ головѣ у меня опять пошла работа: тамъ рубили, пилили, вытряхали и все заразъ; глаза же упорно стремились закрыться и къ довершенію всего показывали что-то совсѣмъ несообразное, дикое, заволоченное туманомъ, чрезъ который только иногда показывалась пьяная фізіономія моего противника, пьющаго въ компаніи съ какими-то дымчатыми существами. Вдругъ въ рукахъ у меня очутилось что-то тяжелое; я съ трудомъ приподнялъ руку, открылъ глаза и увидѣлъ, что держу какую-то старую, ржавую желѣзную палку съ дырой вверху — я понялъ, что это пистолетъ, и вспомнилъ, что нужно заплатить. Съ этой цѣлью я полѣзъ въ карманъ сюртука, но карманъ куда-то исчезъ, и я, несмотря на всѣ мои поиски, никакъ не могъ его найти, но, наконецъ, и то только благодаря тому, что у меня какимъ-то образомъ изъ двухъ рукъ вдругъ сдѣлалось три, — это я ясно чувствовалъ: одна держала пистолетъ, а двѣ искали карманъ, — карманъ былъ найденъ, потому что я видѣлъ бумажникъ, выскочившій, по всѣмъ вѣроятіямъ, оттуда и промелькнувшій куда-то мимо моего носа. Затѣмъ чьи-то двѣ руки приподняли меня со стула и поставили на полъ, но полъ провалился и я опять очутился на стулѣ. Тогда множество рукъ опять приподняли меня и куда-то повели.

Вдругъ свѣжій воздухъ на секунду отогналъ туманъ отъ глазъ и въ этотъ промежуткъ я увидѣлъ какіе-то огни и услышалъ чей-то ругающійся голосъ. Потомъ туманъ опять надвинулся на глаза и я сталъ падать все ниже и ниже... потомъ что-то хлопнуло по головѣ, и я пересталъ сознавать...

Сначала, когда я открылъ глаза, я увидѣлъ что-то темное, которое, по освидѣтельствованіи, оказалось травой, что несказанно меня удивило, такъ какъ я отлично чувствовалъ, что былъ раздѣтъ, стало-быть, лежу въ постели. Я приподнялъ голову, но кругомъ было что-то сѣрое и непонятное. Я опять сталъ шарить руками, но, кромѣ травы, ничего не доискался. Я началъ трусить. Что же это такое? Почему это такъ? Нѣтъ, вѣроятно, это впечатлѣнія сна, нужно только потеплѣе закутаться и уснуть. Одѣяло, видимо, сползло, такъ какъ мнѣ было очень холодно. Я сталъ шарить одѣяло, но вмѣсто него натолкнулся рукою на что-то холодное и скользкое; я съ испугомъ отдернулъ руку, потомъ тихонько потрогалъ, пощупалъ и холодный потъ выступилъ у меня: несомнѣнно, это былъ пистолеть. Я весь застылъ, боясь пошевелинуться: я вспомнилъ про дуэль. Такъ вонъ оно что — значитъ, дуэль была и я раненъ, навѣрное, раненъ, иначе зачѣмъ же я лежу тутъ? Но когда она была? Отчего я не помню. Зачѣмъ я лежу тутъ? Отчего меня бросили, какъ собаку? Развѣ всегда такъ бросаютъ? Нѣтъ, это невозможно, я просто схожу съ ума, или вижу сонъ. Нѣтъ, это не сонъ — вонъ онъ этотъ пистолеть. Что же это такое? Господи! Нѣтъ, дуэль была и меня ранили, но куда ранили? Я осторожно шевельнулъ сначала одной ногой, потомъ другой, осторожно провелъ рукой по туловищу — никакой боли, ничего. Вѣроятно, раненъ въ голову, навѣрное туда, она у меня что-то болитъ. Неужели туда раненъ? Значитъ, смертельно, значитъ, умру. Оттого ничего не могу и припомнить, что раненъ въ голову. Я хотѣлъ-было ощупать ее, но побоялся встрѣтить рану. Все равно ничего не подѣлаешь. Но зачѣмъ меня бросили? Свиньи, хороши, нечего сказать, а еще секунданты, друзья. Скоты и больше ничего... Вдругъ опять холодный потъ прошибъ меня и по тѣлу забѣгали мурашки, я весь съежился и притихъ: около ногъ завозилось что-то теплое. Что это еще такое? думалъ я со страхомъ. О, Господи! Неужели волкъ? Вотъ сейчасъ начнетъ грызть. Нѣтъ, опять все тихо. Но что же это такое? Боже мой, я съ ума сойду. Опять что-то зашевелилось въ ногахъ и громко кашлянуло. Отъ неожиданности я весь похолодѣлъ, уничтожился. Нѣтъ, это не волкъ, волкъ не кашляетъ. Кто же это? А, можетъ-быть, волкъ кашляетъ? Кашляетъ или не кашляетъ? Ничего не помню. Я всегда скверно учился изъ естественной исторіи. Нѣтъ, это не волкъ. Такъ кто же можетъ быть? Человѣкъ не можетъ быть? Откуда ему взяться? Зачѣмъ ему тутъ быть. Нѣтъ, ничего не понимаю. Все не то и не то... мнѣ просто послышалось, можетъ-быть, это бредъ. Можетъ-быть, предсмертный бредъ. Вѣрно я умираю. Должно-быть, такъ умираютъ... и злоба на секундантовъ

опять охватила меня. Нѣтъ, вѣдь бросили, какъ колоду какую, бросили, и какіе-нибудь бродяги натолкнулись на меня и обобрали почти догола. Бродяги... бродяги... При этомъ словѣ мнѣ вдругъ сразу вспомнилось все вчерашнее, вся сцена въ кабацѣ и все послѣдующее. Не знаю, но врядъ ли, я даже готовъ прямо утверждать, что Колумбъ не былъ такъ обрадованъ своимъ открытіемъ Америки, какъ я открытіемъ своего настоящаго положенія. Я живо вскочилъ и оглядѣлся. Было еще совсѣмъ сѣро, та пора утра, когда воткнутый въ землю шестъ принимаешь за закадычнаго друга...

Въ ту же секунду, какъ я зашевелился, чтобы встать, зашевелилось и то существо, въ которомъ я предполагалъ волка. Это существо оказалось моимъ противникомъ, облеченнымъ, какъ и я, въ одно бѣлье.

— Наконецъ-то вы очнулись! Каковы негодяи! Какъ эти мошенники обдѣлали насъ!

Тонъ его былъ дружелюбный, хотя не ровный, чему мѣшали трясущіяся отъ холода челюсти. Меня также пробиралъ ознобъ, а зубы положительно вышли изъ повиновенія и дѣлали, что хотѣли, преимущественно выстукивая всевозможные и въ то же время однообразные мотивы.

— Вижу и безъ васъ, сказалъ я сердито.

— Хорошо еще, знаете, что мы съ вами были мертвецки пьяны, не сопротивлялись поэтому, а то, чего добраго, и уколошили бы насъ.

Я промолчалъ.

— Но что намъ дѣлать? что дѣлать? продолжалъ онъ, вскакивая. — Вѣдь чертовски холодно, а придется ждать до утра. Въ такомъ костюмѣ далеко не уйдешь. Хорошо еще и то, что намъ бабушка ворожить — насъ затащили какъ разъ къ тремъ дубамъ, знаете, къ тому мѣсту. Авось, наши догадаются и, не найдя насъ въ городѣ, пріѣдутъ сюда.

Я не зналъ, что ему отвѣтить, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ не раздѣлялъ его мнѣнія относительно ворожившей намъ бабушки — я бы эту подлую старуху просто бы высѣкъ. Да притомъ, съ послѣдними своими словами, онъ вдругъ прыгнулъ въ сторону, потомъ еще прыгнулъ, потомъ побѣжалъ, сдѣлалъ кругъ и опять запрыгалъ. И у меня сейчасъ же мелькнула въ головѣ мысль, что онъ сошелъ съ ума.

— Послушайте! Что такое? Что вы дѣлаете? крикнулъ я ему успокоительнымъ тономъ, желая прежде всего провѣрить вѣроятность своего предположенія и въ случаѣ чего принять мѣры къ огражденію себя отъ такого опаснаго сосѣдства.

— А, знаете, это отличная штука, чтобъ согрѣться. А то просто замерзнешь. Развѣ вамъ не холодно?

— Не холодно? Мнѣ было холодно, очень холодно. Холоднѣе навѣрное чѣмъ ему — этому мѣшку съ саломъ, я не успѣлъ еще, какъ онъ, сдѣлать этого

запаса. Но я ему покажу. Я выдержу. Не воображаетъ ли онъ задобрить меня, дѣлая такіе нелѣпые и дикіе скачки? Напрасно. Не на того напалъ, голубчикъ. Самъ довелъ меня до такого гнуснаго положенія своимъ дурацкимъ вызовомъ и думаетъ, что если такъ будетъ прыгать, то и ничего... Скажите... Бррр!.. Холодъ попеременно сталъ сгибать у меня то одну, то другую ногу, ускоряя это, потомъ толкнулъ въ спину, приподнялъ на воздухъ, и мѣсто, гдѣ я стоялъ, сразу очутилось отъ меня въ нѣсколькихъ саженьяхъ...

Мы бѣгали, прыгали, крутились, бились, какъ бѣшеные. Если бы вдругъ воскресъ какой-нибудь изъ нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ и явился бы къ намъ на ристалище, то онъ имѣлъ бы удовольствіе увидѣть въ насъ достойнѣйшихъ своихъ потомковъ по части бѣшеной скачки, кривляній и различныхъ довольно-таки сложныхъ и замысловатыхъ тѣлодвиженій.

— А вѣдь знаете, между нами, началъ я: — не знаю, какъ ваши пріятели, а что касается моихъ, то я не особенно увѣренъ въ присутствіи у нихъ нѣкотораго ума. Вѣдь чего добраго, не найдя насъ, они, очень можетъ-быть, подумаютъ, — хотя, конечно, мы къ этому не подавали ни малѣйшаго повода, — они могутъ подумать, что мы просто... ну, понимаете... просто, ну, какъ это?... не струсил... нѣтъ... какъ это?... и я рукой сталъ размахивать по воздуху, какъ будто затрудняясь найти то слово, которое я отлично зналъ, но которое предоставлялъ угадать догадливости своего собесѣдника.

— Ахъ, понимаю. Вы хотите сказать, они могутъ подумать, что мы просто бѣжали.. Ха, ха, ха! и онъ громко захохоталъ, какъ будто ничего для него не было бы пріятнѣй, какъ то, что про насъ могутъ подумать такую скандальную вещь.

— А вѣдь это возможно! продолжалъ онъ. — Нѣтъ, вотъ будетъ штука-то! Намъ придется, значить, опять дожидаться какого-нибудь необыкновеннаго событія, въ родѣ того, которое занесло насъ сюда. Ха, ха, ха!..

— Необыкновеннаго? отвѣтилъ я ему, раздраженный такимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ нашему горемычному положенію. — Не хотите ли вотъ этого — придутъ мужики, скрутятъ руки и отведутъ въ полицію. Вотъ вамъ и необыкновенное, тогда и смѣйтесь. Кorteжъ выйдетъ дѣйствительно веселенькій, но ужъ, конечно, не для насъ, и первыми будутъ смѣяться наши же друзья-пріятели, наши олухи-секунданты, въ тупыя головы которыхъ врядъ ли забредетъ такая простая мысль, какъ поискать насъ на этомъ мѣстѣ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, немного озадаченный моей тирадой. — Но невозможно же это! Согласенъ, что секунданты наши не могутъ похвастаться умомъ. Если бъ они были поумнѣе, коли ужъ говорить объ этомъ, они помирили бы насъ, но все же они должны догадаться.

— Должны догадаться... помирили бы насъ... Скажите, пожалуйста, не догадались же вы не обижаться.

— А вы не догадались не оскорблять меня. Не догадались!

— Оскорблять васъ! крикнулъ я. — Отлично-сь, такъ, значитъ, сейчасъ и дуэль? Трахъ-сь и дуэль. На, молъ, тебѣ, я вотъ сейчасъ тебя уокошу. Да дуэль-то что, что дуэль? Что она доказываетъ? Она доказываетъ чортъ знаетъ что и больше ничего. Она доказываетъ, что существуютъ только наши дураки-секунданты. Вотъ она что доказываетъ... Скажите, пожалуйста, дуэль! Я требую удовлетворенія. Да я не хочу исполнять вашего требованія. Не желаю. Требуйте у вашего дѣдушки! Скажите на милость — я кровью омою оскорбленіе, какъ будто моя кровь чортъ знаетъ что, а не кровь, — какъ будто какое-то средство для вывода пятенъ. Вотъ тебѣ на! Нашли средство — нечего сказать! Выводите своей кровью. Я ничего противъ этого не имѣю. Нѣтъ, мнѣ только хочется знать, кто были эти два первые дурака — извиняюсь, извиняюсь, слышите ли нижайше прошу извиненія, нижайше — кто это были эти два первыхъ идіота, которые подрались, эти родоначалышки дуэли, дѣла чести, или какъ тамъ еще чортъ... И вотъ съ нихъ примѣръ, съ какихъ-то прощальгъ. И пошло, и пошло. А? Прошу покорно!

— А честь? Такъ какъ же честь? крикнулъ раздраженно мой противникъ.

— Честь! А честь осталась въ нашихъ сюртукахъ. Вотъ вамъ и честь. Ищите ее. Или, быть-можетъ, вы станете драться въ такомъ костюмѣ, какъ нашъ? Станете драться? Станете?!

— Положимъ, нѣтъ. Это было бы смѣшно, но...

— А, смѣшно! Вамъ, небось, это смѣшно! Честь нельзя защищать въ одномъ бѣльѣ, не принято? Такъ? Вѣдь такъ? А?.. Скажите, пожалуйста! Честь! Да ужъ если на то пошло, коли хотите знать, то дѣло чести прежде всего не ставить свою честь въ двусмысленное положеніе-сь. Да-сь! Не ставить-сь! Вотъ вамъ. А если поставили, то и деритесь съ своею честью, а я не желаю, не хочу, совсѣмъ не желаю. Прошу покорно! Дуэль... секунданты... — Но за этими словами у меня изо рта стали вылетать какіе-то совсѣмъ дикіе и совершенно даже для моего привычнаго уха непонятные звуки, прерываемые частою дробью челюстей. Анаемскій холодъ, не говоря уже объ остальныхъ членахъ, совершенно заледенилъ мнѣ губы и мой неугомонный языкъ. Выкинувъ осипшимъ голосомъ еще съ полдюжины такихъ же непонятныхъ словъ, преимущественно состоявшихъ изъ одной буквы «ша», я, наконецъ, не выдержалъ и, не обращая вниманія на моего противника, который что-то сталъ кричать, видимо, отвѣчая мнѣ на мое ораторствованіе, предался самой отчаянной скачкѣ. Мой противникъ не заставилъ себя долго ожидать и черезъ минуту, подбодряемый холодомъ, началъ соревновать мнѣ.

Стало гораздо холоднѣе. Очевидно, скоро должно было взойти солнце. Какъ извѣстно, это свѣтило передъ темъ, какъ показаться, непременно подпустить холоду. Но вотъ показался край солнца. Вотъ онъ сдѣлался больше... еще

больше. Мы остановились и, дрожа всѣми членами, подпрыгивая на мѣстѣ, самыми нѣжными, самыми грубыми, повелительными, просительными словами поощряли его восходъ. Наконецъ, вотъ оно быстро выкатилось, какъ раскаленное ядро, и черезъ нѣсколько мгновений обдало насъ цѣлымъ снопомъ лучей...

Никакіе солнцепоклонники никогда такъ не радовались ему, какъ мы. Попрыгавъ еще немного, мы окончательно бросили свои гимнастическія упражненія и сѣли подъ дубомъ, прямо противъ солнца, какъ самые лучшіе друзья, какъ любовники, позабывъ подъ его теплыми лучами начавшуюся было опять ссору. Теплота сильнѣе и сильнѣе охватывала насъ, и мы начали подремывать, не переставая, по временамъ, перекидываться словами...

Солнце поднималось выше и выше, а мы ниже и ниже опускались въ пучину грусти и меланхоліи. Что, если не пріѣдутъ эти ослы? спрашивали мы другъ у друга. Господи, что если эти архибестіи не пріѣдутъ?.. Мы изнывали и глядѣли вдаль, какъ погибающіе въ бурю глядятъ, отыскивая въ морѣ спасительное судно. И навѣрное не пріѣдутъ. Навѣрное. Небось выпались и теперь говорятъ глупости. И зачѣмъ мы выбрали такихъ олуховъ? Но вотъ по дорогѣ что-то показалось. Господи, какъ медленно тащутся! Отъ нетерпѣнія мы вскочили и стали махать руками. Нѣтъ, это не они. Это обозъ. Мы совсѣмъ распластались на землѣ, чтобы насъ не замѣтили. Медленно, скрипя колесами, поползли мимо насъ телѣги. Двадцать телѣгъ, а ихъ все нѣтъ. Навѣрное ужъ семь часовъ. вмѣсто того, чтобы ѣхать, они порютъ ерунду и мечутся. Воображаю, какія у нихъ важныя фізіономіи. Какъ будто невѣсть что. О, чортъ, когда же они изволятъ показаться? Нѣтъ, это просто невозможно. Вѣдь эдакія бестіи. А наши глаза такъ и впились въ туманную даль. Прошло еще добрыхъ полчаса времени, въ теченіе которыхъ мы повыдергали кругомъ себя всю траву, изжевали ее, выпустили цѣлый лексиконъ ругательствъ на головы нашихъ секундантовъ. Наконецъ, вотъ оно, вотъ оно! Показались двѣ коляски и одна карета, вѣроятно, для положенія въ нее трупа или тяжело-раненаго...

— Ъдутъ, ъдутъ! закричалъ мой противникъ. — Даже карету захватили!..

— А какъ мы скажемъ имъ?

— Очень просто: скажемъ, что мы пріѣхали раньше...

— Въ этихъ костюмахъ?..

— Ну, да. На насъ напали разбойники, бродяги, или кто тамъ, и вотъ... Вы ужъ мнѣ предоставьте. Кто не повѣритъ, прибавилъ онъ, воодушевляясь и видимо совершенно позабывъ мои разсужденія по этому поводу: — того — къ барьеру!

Скряга РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Кто не зналъ этого скряги, хозяина великолѣпнаго магазина дѣтскихъ игрушекъ? Его всякій зналъ, особенно его сосѣди, торговцы. Богъ знаетъ, чего они только не рассказывали про его скупость, какія были и небылицы не сочиняли про него, и какія смѣшныя прозвища не придумывали ему. Рассказывали они, что когда вечеромъ, послѣ закрытія магазина, онъ пьетъ чай, то приказчику своему, который въ свободное время замѣнялъ ему слугу, позволялъ только глотать паръ, шедшій изъ чайника. Впрочемъ, это былъ сушій вздоръ, и все это ничуть не мѣшало тѣмъ же торговцамъ всегда почтительно, даже издали, раскланиваться съ нимъ, чуть только завидятъ его высокую, сухую фигуру, съ чисто выбритымъ лицомъ, и длиннымъ, острымъ носомъ, по бокамъ котораго, подъ навѣсомъ густыхъ сѣдыхъ бровей, прятались суровые, сумрачно смотрѣвшіе глаза. Всѣ отлично знали, что онъ, кромѣ того, что скупой, еще страшно богатъ, пожалуй, побогаче ихъ всѣхъ вмѣстѣ, а это было самое главное, и поэтому всѣ такъ и были почтительны съ нимъ, какъ будто онъ платилъ имъ за это жалованье. Да, онъ былъ очень скупъ и очень богатъ и, кромѣ денегъ, ничего не любилъ. Особенно не любилъ онъ, когда на праздникъ Рождества ему приходилось давать своимъ приказчикамъ праздничныя деньги, а приказчиковъ было цѣлыхъ пять человѣкъ. А не давать онъ не могъ, всѣ такъ дѣлали и это былъ обычай. И какъ онъ всегда кряхтѣлъ и ругался, какъ наступалъ часъ выдачи. Приказчики молча стоятъ и ждутъ, долго ждутъ, а онъ всё роется въ ящикѣ, перекладываетъ и пересчитываетъ деньги и непременно отдастъ имъ самыми старыми, засаленными, рванными бумажками, и притомъ такъ морщитъ лицо, какъ будто эти бумажки росли ему въ тѣло и онъ отрывалъ ихъ отъ себя. Да, скупой былъ человѣкъ. Зато какъ же удивились и долго не хотѣли вѣрить его сосѣди торговцу, когда въ одинъ день Рождества узнали, что онъ... впрочемъ, нужно начать съ сочельника.

Въ этотъ сочельникъ былъ сильный морозъ. Съ утра еще было ничего, но чѣмъ ближе къ вечеру, онъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Никакія теплыя платья не спасали отъ него — онъ всюду находилъ, гдѣ пролѣзть, и немилосердно щипалъ и кусалъ. Всѣмъ попадало отъ него. Но какъ ни щипалъ и ни кусалъ морозъ, а не могъ ничего подѣлать съ людьми. Съ каждымъ часомъ больше и больше набиралось ихъ на улицу, и не мудрено — вѣдь сегодня сочельникъ, нужно запастись разными вещами и подарками къ празднику. Въ магазинахъ толкотня, давка и больше всего народу въ магазинѣ стараго скряги. Поминутно то входили туда, то выходили, и густымъ бѣлымъ паромъ врывался въ магазинъ вмѣстѣ съ покупателями и морозъ. Приказчики просто выбились изъ силъ, а скряга весело смотрѣлъ, насколько только могли весело смотрѣть его

сумрачные глаза, на пеструю толпу въ магазинѣ, весело бралъ въ руки сыпавшіяся ему отовсюду деньги и бережно укладывалъ ихъ въ ящикъ конторки. Входная дверь скрипнула, бѣлымъ паромъ ворвался морозъ — это вошла новая покупательница. Впрочемъ, нѣтъ — это была не покупательница. Легкій платокъ еле-еле закрывалъ ей голову; такой же платокъ, но немного больше, былъ накинутъ на плечи, закрывалъ ей грудь и ношу изъ какого-то тряпья, которую она крѣпко держала своими полуголыми застывшими, окоченѣвшими руками. Морозу было гдѣ поразгуляться и онъ нагулялся вдоволь по ея худому, посинѣвшему лицу, по ея впалымъ щекамъ, по ея волосамъ и рѣсницамъ, которые онъ облѣпилъ пушистымъ бѣлымъ инеемъ. Онъ совсѣмъ сомкнулъ и побѣлилъ ей губы, такъ-что, когда она вошла и силилась что-то сказать, то вмѣсто словъ вылетѣлъ какой-то хриплый звукъ. И только говорили одни ея лихорадочно блестящіе глаза, они говорили о нуждѣ, о горѣ, о тоскѣ, объ отчаяніи, они просили, плакали, умоляли. Растерянно обведя ими шумную толпу, она остановила ихъ на лицѣ скряги. «Богъ подастъ!» отвѣтилъ на ея умоляющій взоръ скряга такимъ тономъ, какъ будто Богъ былъ обязанъ подать за него.

Но женщина не уходила. Въ магазинѣ было такъ тепло и хорошо. Сколько веселыхъ вещей смотрѣло на нее съ полокъ и прилавка. А съ самага потолка, вися на длинной ниткѣ, смотрѣлъ и улыбался ей во всю ширину своего краснаго, наруганнаго лица, большой картонный арлекинъ, съ растопыренными ногами и руками, какъ будто приглашая ее сѣсть и обогрѣться.

— Проходи, проходи! Богъ подастъ! вскинувъ на нее глазами, вторично проговорилъ скряга и кивнулъ приказчику. Но этого второго взгляда скряги было совершенно достаточно. Дверь скрипнула, пріотворилась, опять ворвался морозъ, окуталъ женщину густымъ, бѣлымъ паромъ и исчезъ съ нею изъ магазина.

— Дармоѣды! Только мѣшаютъ! проворчалъ скряга.

Становилось поздно, магазинъ мало-помалу пустѣлъ, вотъ входная дверь скрипнула въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ ворвался бѣлый морозный паръ и тяжелые засовы заперли магазинъ на цѣлыхъ два дня Рождества. Прибравъ магазинъ, приказчики молча остановились около скряги въ ожиданіи праздничной награды. Но скряга не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія: онъ молча, упорно смотрѣлъ туда, въ тотъ уголъ, гдѣ была входная дверь, и машинально перебиралъ пальцами косточки счетовъ.

Это было удивительно, этого прежде никогда не случалось, чтобы скряга, послѣ такого прибыльнаго дня, сидѣлъ задумавшись; прежде онъ всегда начиналъ рыться въ деньгахъ, считать, аккуратно складывать и ругать приказчиковъ, — и это имъ теперь было очень удивительно: они

переглядывались и переминались съ ноги на ногу. Но скряга все смотрѣлъ на дверь, жевалъ губами и его брови то сдвигались, то раздвигались, какъ будто онъ видѣлъ тамъ, у дверей, что-то неприятное и съ кѣмъ-то разговаривалъ.

— Все глупости! вдругъ проговорилъ онъ громко. — Дармоѣды! и взглянулъ на приказчиковъ.

— Ну, что вы?.. получайте! съ сердцемъ продолжалъ скряга и, порывшись въ ящикъ, швырнулъ на прилавокъ пачку засаленныхъ старыхъ бумажекъ, припасенныхъ имъ для нихъ. Послѣ этого онъ сейчасъ же заперъ свою конторку и направился въ заднюю комнату при магазинѣ.

— Все глупости! сказалъ онъ опять, входя въ комнату.

— Все глупости! все глупости! вторилъ ему весело кипѣвшій на столѣ самоваръ, выпуская цѣлые клубы пара.

— Конечно, глупости! подтвердилъ опять скряга и усѣлся за столъ. На другомъ концѣ стола сѣлъ приказчикъ и съ тоской разглядывалъ кусочекъ сахара, данный ему скрягой, рассчитывая, на сколько стакановъ чая хватить его ему.

— Дармоѣды!.. только мѣшаютъ! вдругъ проговорилъ скряга, прихлебывая чай и взглянувъ на приказчика.

Скряга проговорилъ эти слова такъ громко и сердито, что приказчикъ вздрогнулъ и уронилъ свой кусочекъ сахара прямо въ стаканъ.

— А, что ты сказалъ? продолжалъ скряга.

— Я-съ? ничего-съ! отвѣчалъ, оправившись отъ испуга, приказчикъ, безуспѣшно стараясь вытащить пальцами изъ стакана быстро таявшій кусокъ сахара.

— Гм... гм... прошамкалъ скряга и, вдругъ отодвинувъ стаканъ, откинулся на спинку стула и задумался.

«Скрипъ, скрипъ, скрипъ, щелкъ!» затрещало что-то въ магазинѣ.

Скряга вздрогнулъ и взглянулъ на приказчика.

— Это морозъ щелкаетъ, дерево трещить! отвѣчалъ тотъ, дуя на блюдечко съ чаемъ.

Но скряга его не слушалъ, онъ задумчиво смотрѣлъ на темный уголъ комнаты и этотъ скрипъ напомнилъ ему опять скрипъ отворяемой двери, бѣлый паръ мороза и женщину, просившую милостыню.

— Все глупости! вдругъ проговорилъ скряга, провелъ рукою по лицу и опять придвинулся къ столу.

Никто ему не отвѣчалъ, приказчикъ ужъ опрокинулъ свой стаканъ кверху дномъ на блюдечко и дожидался, когда хозяинъ кончитъ свою порцію, чтобы убрать посуду. Самоваръ тоже остылъ и не выпускалъ бѣлаго пара, и только иногда, изрѣдка, что-то жалобное, тонкое, слышалось изнутри его и опять смолкало.

«Скрипъ, скрипъ, скрипъ, щелкъ!» затрещало опять въ магазинъ.

— Экъ его разобрало! проговорилъ приказчикъ.

— Заперта ли дверь? Это дверь, можетъ-быть! обратился къ нему скряга.

Приказчикъ вошелъ въ магазинъ.

— Нѣтъ, дверь заперта, это морозъ! объявилъ онъ, вернувшись.

— Экъ его разобрало! повторилъ слова приказчика скряга, — Убирай! крикнулъ онъ громко и, вставъ изъ-за стола, отправился къ себѣ въ каморку, рядомъ съ комнатою приказчика. Это опять-таки было очень странно! Ничего подобнаго прежде не было, никогда не случалось, чтобы чай остался недопитымъ, а, главное, чтобы остался на столѣ совершенно цѣлымъ, нетронутымъ кусокъ сахара. Приказчикъ подумалъ и сунулъ кусокъ сахара себѣ въ карманъ, убралъ посуду, завернулъ фитиль у лампы и, свернувшись въ углу, на скамейкѣ, подъ своей старой потертой шубой, скоро уснулъ.

Скряга тоже уже раздѣлся, но еще не спалъ: подперевъ руками голову, онъ неподвижно сидѣлъ на кровати въ своей каморкѣ, изрѣдка посматривая на тотъ уголъ комнаты, гдѣ чуть теплилась лампадка, такъ-что, кромѣ этого огонька, ничего не было видно.

— Дармофды! больше ничего! проговорилъ онъ, наконецъ, вслухъ и, вставъ съ постели, заглянулъ въ комнату приказчика и потомъ, перекрестившись нѣсколько разъ, легъ на кровать и съ головой завернулся въ одѣяло. Тихо... «Скрипъ, щелкъ, щелкъ, щелкъ!» — и вся комната наполнилась бѣлымъ паромъ и среди него показалась женщина съ ребенкомъ.

Какъ это ни было странно, но скряга ничуть не удивился. Онъ посмотрѣлъ на нее и разсерженно проговорилъ.

— Ты опять... проходи, проходи! Богъ подастъ! Экъ васъ нелегкая носить. Проходи! проси у другихъ! Нечего у меня просить.

Паръ заколебался и сталъ подступать къ постели скряги.

— А, ты говоришь, что другіе ничего не дали, и отлично сдѣлали, и я ничего не дамъ. Слышишь ли, не дамъ! Проходи! Почему я долженъ дать, почему? Говори, говори. Убирайся... вонъ! Ребенка-то зачѣмъ взяла? Не могла оставить его дома? Разжалобить больше? У, креста на васъ нѣтъ... вонъ!

Скряга такъ громко вскрикнулъ, что разбудилъ приказчика. Тотъ проснулся, приподнялъ голову и прислушался.

— Никакъ бредить? Что это сегодня съ нимъ приключилось такое? О, Господи помилуй! зѣвнулъ онъ вдругъ и, закрывшись потеплѣе, опять заснулъ.

— А, тебя выгнали вечеромъ съ квартиры, продолжалъ скряга: — такъ сама виновата, плати! Кому охота держать дармофдовъ! Всѣмъ деньги нужны. Хочешь жить, такъ работай... работы нѣтъ? не нашла?.. не успѣла найти?!.. врешь, есть, есть, не лги, тебѣ говорятъ! Грѣшно лгать!

Паръ еще ближе подвинулся и коснулся лица скряги.

— Выбилась изъ силъ... никто не даетъ, никто не пускаетъ... холодно?.. Ну ужъ этого не будетъ, ишь чего захотѣла: раздѣть всѣхъ куколъ и одѣть вашихъ щенятъ! Какъ бы не такъ. Не мой ребенокъ, а твой, твой! Слышишь ли, твой! Я не обязанъ заботиться о немъ. Не обязанъ. Твой ребенокъ! Тебѣ говорю, твой! Не суй его ко мнѣ. А, мерзнешь, холодно!.. пустить обогрѣться... шалишь... знаю я васъ! Убирайся, мерзни, мерзни... чѣмъ меньше вашего брата, тѣмъ лучше...

Паръ заколыхался сильнѣе и женщина подступила совсѣмъ къ лицу скряги. Жгучимъ взоромъ пронизала она его, и вдругъ руки, державшія ребенка, стали приподниматься, пальцы загнулись, какъ когти у хищной птицы, и схватили скрягу за горло.

— О, охъ! страшно вскрикнулъ онъ и проснулся. Холодный потъ выступилъ у него на тѣлѣ и зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— Помилуй Господи! помилуй Господи! помилуй Господи! пугливо озираясь по сторонамъ, сталъ шептать скряга.

Въ комнатѣ было свѣтло: лунный свѣтъ снопами ударялъ прямо въ оконное стекло и прихотливыми тѣнями отражалъ на противоположной стѣнѣ морозные его узоры.

Скряга торопливо всталъ съ кровати и подошелъ къ дверямъ.

— Эй! крикнулъ онъ громко. — Эй, проснись!.. Засвѣти огонь!

Въ ожиданіи, онъ сѣлъ къ окну и, все еще дрожа, наклонился лицомъ къ стеклу. Окно выходило на небольшой закоулокъ, который былъ частью большого двора, и скорѣе походило на широкую трубу. Едва его лобъ коснулся стекла, какъ глаза въ ту же минуту уставились на одну точку во дворѣ и ужъ не отрывались больше отъ нея. И глаза его стали расширяться, не то какая-то влага, не то слезы выступили на нихъ, ротъ pokrивился, холодный ознобъ пронизалъ все его тѣло и страшный ужасъ отразился на лицѣ его.

— Она?!. слабо вскрикнулъ онъ, и руки его затряслись, судорожно цѣпляясь за подоконникъ. Онъ сталъ медленно приподыматься, все время не сводя глазъ съ окна и съ глухимъ, хриплымъ шопотомъ повторяя: «она... она... она...».

Вдругъ страшный крикъ вырвался изъ груди его:

— Сюда!.. хрипло вскрикнулъ онъ, приподнялся, пошатнулся и ухватился руками за косякъ двери.

— Что! что?! засуетился испуганный приказчикъ и бросился къ хозяину.

А скряга, весь дрожа, съ широко открытыми глазами и безумнымъ ужасомъ на лицѣ, качалъ головой по направленію окна и прерывисто хрипѣлъ:

— Тамъ... окно... хрипѣлъ онъ. — Тамъ... смотри... Смотри же! вдругъ дико вскрикнулъ скряга и, выпустивъ косякъ двери, грузно опустился на стулъ и обхватилъ голову руками.

— Гдѣ?! Тамъ ничего нѣтъ... куча снѣга! нѣсколько уже спокойнымъ голосомъ произнесъ приказчикъ и, отведя глаза отъ окна, взглянулъ на хозяина.

— Смотри... смотри... тамъ!.. попережнему шепталъ скряга. Приказчикъ опять приникъ къ стеклу и сталъ всматриваться.

Вдругъ онъ быстро отскочилъ отъ окна, — онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, губы его дрожали и онъ испуганно уставился на хозяина.

— Сидить... женщина! наконецъ прошептали его трясущіяся губы. Скряга ничего не отвѣчалъ и еще ниже наклонилъ голову.

Наступила тишина и было только слышно прерывистое и хриплое дыханіе скряги.

«Скрипъ, скрипъ, скрипъ, щелкъ, щелкъ!» застучало въ магазинѣ.

Скряга вдругъ приподнялъ голову и прислушался.

«Скрипъ, щелкъ, щелкъ!» стукнуло еще разъ, и въ ту минуту, какъ будто кто его толкнулъ, скряга вскочилъ, схватилъ за руку приказчика, еще разъ прислушался и, съ трудомъ переведя дыханіе, быстро проговорилъ: «Скорѣй! Пойдемъ!..»

Опять застучали засовы открываемаго магазина и скряга съ приказчикомъ вышли на улицу.

— Позвать бы кого, робко проговорилъ приказчикъ. — Сторожа, что ли?

Скряга молча кивнулъ головой и они, разбудивъ сторожа, мирно дремавшаго у воротъ, вошли на дворъ.

— Вотъ, тамъ, тамъ! проговорилъ приказчикъ, когда они повернули въ тотъ закоулокъ.

— Подожди! Не могу! прошепталъ скряга и схватилъ приказчика за плечо.

Прямо передъ ними, въ углу, прижавшись къ стенѣ дома, сидѣла на сугробѣ снѣга женщина. Они всѣ трое остановились и молча смотрѣли на нее.

— Эй, тетка! наконецъ, робко крикнулъ сторожъ: — погибели на васъ нѣтъ! чего разсѣлась? Сходи, что ли! Чего въ самомъ дѣлѣ. Ну и народъ!.. онъ хотѣлъ еще прибавить что-то, но остановился и испуганно обернулся къ стоявшимъ позади его скряге и приказчику.

— Кажется, замерзла, шопотомъ dokonчилъ сторожъ и нерѣшительно подошелъ къ женщинѣ.

Луна теперь обливала ее всю, — ея изсине-блѣдное лицо, ея, какъ и прежде, опушенные густымъ инеемъ волоса и рѣсницы, теперь сомкнувшіяся навѣки. Пальцы рукъ застыли въ напряженіи крѣпко держать и прижимать къ груди ношу, которая и теперь была у нея на колѣняхъ.

— Замерзла и есть! опять проговорилъ сторожъ, дотронувшись до нея.

Скряга стоялъ ни живъ, ни мертвъ и не могъ отвести своихъ глазъ отъ ея лица. И чудилось ему, что и теперь, сквозь плотно сомкнувшіяся рѣсницы, смотрятъ на него ея жгучіе глаза, полные мольбы, полные тоски и отчаянія.

Вдругъ, слабый, еле-слышный стонъ, подавленный, тихій стонъ, раздался изъ той груди тряпья, которое она держала на рукахъ.

Всѣ точно оцѣпенѣли, но сейчасъ же, точно сговорившись, бросились къ женщинѣ.

— Господи, никакъ ребенокъ!.. Живъ еще! только могъ крикнуть сторожъ и сталъ быстро отдирать смерзшіяся тряпки.

— Тише... тише... скорѣй!.. скорѣй! волновался скряга, помогая сторожу и стараясь не смотрѣть въ лицо покойницы.

Но крѣпко впились ея руки въ ребенка и только съ трудомъ освободили они ношу отъ ея цѣпкихъ пальцевъ.

Ребенокъ былъ еще живъ, онъ тяжело хрипѣлъ, крѣпко прижавшись къ остывшей ужъ груди, вода по ней рученками.

Всю ночь трещали отъ мороза половицы въ магазинѣ, но трескъ ихъ и щелканье заглушались крикомъ новаго обитателя игрушечнаго магазина стараго скряги.

На лабазѣ¹

Что я имѣлъ противъ медвѣдя? Говоря откровенно, рѣшительно ничего, и надѣюсь, что и медвѣдь съ своей стороны также ничего не имѣлъ относительно моей особы, уже по одному тому, что мы съ нимъ нигдѣ не встрѣчались. Итакъ, по всѣмъ даннымъ, какъ говорится въ нѣкоторыхъ учебникахъ, я прожилъ бы до глубокой старости, не думая о медвѣдѣ, а медвѣдь продолжалъ бы спокойно разгуливать по лѣсу, ужъ, конечно, не думая обо мнѣ, поѣдая мимоходомъ не на мѣстѣ посѣянный овесъ и соревнуясь бабами и ребятишками въ собираніи клюквы, брусники и другихъ ягодъ, — если бы въ одно утро не пришелъ ко мнѣ мой арендаторъ-чухонецъ съ заявленіемъ, что къ нему на овесъ ходитъ медвѣдь. Этого заявленія было совершенно достаточно для того пагубнаго желанія, которое у меня тотчасъ же явилось, а именно — убить медвѣдя. За что — я самъ не зналъ, и хотя старался оправдать своё такое намѣреніе тѣмъ, что избавлю поле бѣднаго чухонца отъ врага, а его самого отъ убытковъ, но это былъ сущій вздоръ, такъ какъ мнѣ было совершенно безразлично и я ничуть не былъ бы опечаленъ, если бы медвѣдь съѣлъ не только весь овесъ чухонца, но, вдобавокъ, и его самого, его жену,

¹ Лабазъ — это родъ сидѣнья, устраиваемаго между деревьями, на нѣкоторой высотѣ отъ земли, для подсиживанія медвѣдей на овсахъ.

дѣтей, собакъ, кошекъ, скотъ, и разнесъ бы всю избу по бревнамъ. Даже, говоря ужъ по совѣсти, былъ бы радъ этому, сразу избавившись отъ арендатора, который мало того, что не платилъ, а еще рубилъ тайкомъ мой лѣсъ, въ чемъ, несмотря на всѣ свои ухищренія, я не могъ его поймать. Многие, конечно, осудятъ меня за такой жестокой и нехристианской образъ мыслей, но что подѣлаете, когда мы прежде всего люди, а если мы люди, то это вполне естественно.

Итакъ, рѣшивъ безповоротно убить медвѣдя, я приказалъ чухнѣ сдѣлать на противоположныхъ концахъ поля два лабаза — одинъ мнѣ, а на другой я рѣшилъ посадить, не менѣе страстно желавшаго смерти косолапаго, своего повара. Отпустивъ чухну, я занялся приготовленіями къ своему подвигу. Впрочемъ, готовить особенно было нечего — ружья и патроны были въ исправности, и я больше предавался кровожаднымъ мечтамъ о томъ, какъ убью медвѣдя и сдѣлаю изъ него коверъ, а, пожалуй, и чучело, и какъ будутъ завидовать мнѣ мои пріатели, которымъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, кромѣ нѣсколькихъ паръ блохъ, не пришлось ничего убить, — хотя, рассуждая безпристрастно, поймать и затѣмъ убить блоху, пожалуй, труднѣе, чѣмъ убить медвѣдя. Все зависитъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ.

Пока сіяло солнце и слышался повсюду шумъ голосовъ и движеній, какъ двуногихъ, такъ и четвероногихъ существъ, все шло прекрасно, и ни одна мрачная мысль не отравляла моихъ мечтаній. Но вотъ наступила обѣденная пора, и мой поваръ, мысли котораго, очевидно, были заняты больше медвѣдемъ, чѣмъ своими прямыми обязанностями, перепуталъ и испортилъ всѣ кушанья, чѣмъ далъ первый толчокъ для моей меланхолии, и у меня впервые зародилось сомнѣніе относительно благополучнаго исхода кампаніи противъ косолапаго. А между тѣмъ, солнце садилось, и при другихъ обстоятельствахъ, описывая что-либо другое, я, пожалуй, для красоты слога прибавилъ бы, что «солнце лѣниво садилось», но въ настоящемъ моемъ положеніи я находилъ, что оно садилось слишкомъ поспѣшно, какъ будто стараясь поскорѣе скрыться и не видѣть той кровавой драмы въ лѣсу, которая должна разыгратъ. Ближе и ближе подходило солнце къ верхушкамъ лѣса и мои геройскія мысли стали окончательно смахивать на мысли отчаяннаго труса. Какъ же это такъ, думалъ я, — иду на медвѣдя и ничего не знаю о немъ, не знаю, трусь онъ, или нѣтъ, и вообще, что онъ имѣетъ обыкновеніе дѣлать съ тѣми, которые его только ранятъ? бѣжитъ ли онъ отъ нихъ, или, напротивъ, обращается на нападающаго, и лазаетъ ли онъ въ этомъ случаѣ за охотниками на лабазы? Положимъ, я читалъ что-то объ охотахъ на медвѣдя, но въ этихъ описаніяхъ господа охотники выставляли себя такими отчаянными головорѣзами и храбрецами, что на-поди. И вѣдь все врутъ, все врутъ, думалъ я, съ отчаяніемъ перебирая книги, съ надеждой найти тамъ что-либо о

медвѣдѣ. Навѣрное трусили не хуже меня, а ужъ дрожали, такъ это какъ пить дать. Отчего бы тамъ ни было, а дрожали. Знаемъ мы эту нервную дрожь.

Въ это время, развернувъ откуда-то подвернувшееся «Родное Слово», мнѣ кинулись въ глаза надписи «Поваренная соль», «Окунь», «Куры». Нѣтъ ли о медвѣдѣ, подумалъ я. Должно-быть, есть. Есть! Вотъ онъ, и, мелькомъ взглянувъ на изображеніе своего врага, я впился въ строки съ тайной надеждой найти въ нихъ что-либо позорное и оскорбительное для храбрости косолапаго, и, наконецъ, читаю. «Медвѣдь очень силенъ, ловокъ и не трусливъ, если только на него не нападаютъ врасплохъ». Гм... если только... что же тогда?.. если только... Странно пишутъ господа сочинители. Трудно что ли было договорить фразу до конца — всего какихъ-нибудь два-три слова. Вотъ и думай: если только... Положимъ, нужно предположить, что тогда онъ труситъ и бѣжитъ, но, все-таки, почему не написать этого? О, Господи... Но эти невеселыя мысли были прерваны стукомъ подѣхавшаго тарантаса, гдѣ уже во всеоружіи сидѣлъ мой поваръ Иванъ, и мнѣ оставалось только надѣть шляпу и ѣхать. Надѣть шляпу и ѣхать, а между тѣмъ, я еще далеко не рѣшилъ другого важнаго вопроса: прощаться ли мнѣ съ домашними? Вѣдь, очень можетъ-быть, что я пробуду тамъ всю ночь, или возвращусь очень поздно, когда всѣ будутъ спать, а на сонъ грядущій я всегда же прощаюсь? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не будетъ ли это теперь похоже на то, что я навсегда прощаюсь, какъ будто ужъ и не вернусь... Нѣтъ, лучше не прощаться! И окольными путями, чтобы не встрѣтить кого и не соблазниться прощаніемъ, я быстро вышелъ изъ дому и вскочилъ въ тарантасъ, не преминувшій тотчасъ же задребезжать по дорогѣ. Но оглянувшись нѣсколько разъ на домъ, я не могъ удержаться и сталъ мысленно прощаться съ нимъ, прощаться съ лугами, полями и лѣсами, между которыхъ мы ѣхали. Богъ знаетъ, увижу ли я опять это все, думалъ я грустно. Иванъ былъ, повидимому, не въ меньшей меланхоліи и, неопредѣленно уставившись взглядомъ въ хвостъ везшей насъ кобылки, какъ будто ища тамъ разрѣшенія всѣхъ мучившихъ его вопросовъ и сомнѣній, изрѣдка причмокивалъ на нее, хотя я находилъ это совершенно излишнимъ — кобылка насъ везла, по-моему, и такъ достаточно скоро.

Наконецъ показалась изба чухонца, показался и владѣлецъ ея, стоявшій у околицы, видимо поджидая насъ. Едва мы поровнялись съ нимъ, какъ онъ живо вскочилъ на передокъ, взялъ у Ивана вожжи и, причмокивая и понукая лошадь, молча свернулъ по дорогѣ, проведенной исключительно для той злосчастной нивы, избранной медвѣдемъ для своихъ прогулокъ. За нивой же кругомъ, на десятки верстъ, тянулись одни лѣса.

Проѣхавъ нѣсколько десятковъ сажень по лѣсной дорогѣ, чухонецъ вдругъ остановилъ лошадь и самъ такъ стремительно соскочилъ съ облучка, какъ будто его сдунула какая-то невидимая сила. Это странное поведеніе чухонца

заставило насъ въ одинъ голосъ крикнуть: «что! что такое?!» крѣпче сжать въ рукахъ ружья и испуганно оглянуться.

А чухонецъ, не предполагая того смятенія, въ которое онъ привелъ насъ своей выходкой, приглашалъ насъ слѣзть и взглянуть на что-то такое, бывшее на дорогѣ. Это «что-то такое» оказалось медвѣжьимъ слѣдомъ, довольно внушительныхъ размѣровъ, ясно отпечатавшимся на липкой грязи дороги. Особенно ясно были видны слѣды длинныхъ и острыхъ когтей. Признаюсь, созерцаніе слѣда ничуть не подбодрило меня, особенно въ той обстановкѣ, въ которой мы были: солнце уже прощалось съ верхушками деревъ, и по низу лѣса былъ тотъ полумракъ, когда видны только ближайшіе стволы, а все остальное подернуто какой-то непроницаемой дымкой.

По обзорѣни во всѣхъ подробностяхъ слѣда и по выслушаніи маленькой лекціи чухонца относительно времени происхожденія его, я съ стѣсненнымъ духомъ, опасливо взглянулъ въ таинственную гущину лѣса, и сердце забилося тоскливымъ ожиданіемъ. Иванъ только тяжело вздохнулъ и съ проницательностью, достойною его званія, прибавилъ: «медвѣдь огромный, пудовъ на десять», на что чухонецъ тотчасъ же добавилъ, «что если этакой лапой да онъ ударить кого, то тотъ врядъ ли останется живъ». Сдѣлавъ это глубокомысленное замѣчаніе, онъ полѣзъ на свое мѣсто въ тарантасъ, куда послушно послѣдовали и мы съ Иваномъ.

Тарантасъ опять покатился, подпрыгивая по корнямъ деревъ и кое-гдѣ обдавая насъ грязью. Наконецъ, вотъ и нива, протянувшаяся между лѣсомъ шаговъ на полтора въ длину и шаговъ на сто въ ширину. Очевидно, медвѣдь чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома: весь овесъ былъ номять, изсосанъ, и для чухонца оставалось весьма немного.

Едва мы ступили на ниву, какъ насъ вдругъ связала самая тѣсная дружба — всякій, кто бы увидѣлъ насъ, непременно бы сказалъ: «О, дружба — это ты». Мы не отходили ни на шагъ другъ отъ друга, и было трогательно видѣть, какъ мы уступали другъ дружкѣ дорогу впередъ, обходя неизвѣстно зачѣмъ ниву. Иванъ блаженно улыбался, слушая повѣствованіе чухонца о медвѣдѣ, я тоже выразилъ знаки вниманія, хотя, признаться сказать, ничего не слышалъ, что говорилъ чухонецъ, и только выражалъ одобреніе улыбкой, не уступающей въ блаженствѣ улыбкѣ Ивана, и однозвучными словами: «Ну, да! — Скажи, пожалуйста! — Однако». Чухонецъ, очевидно, былъ очарованъ непривычнымъ для него моимъ ласковымъ и внимательнымъ обхожденіемъ, и въ другое время, навѣрное, постарался бы продолжать такую пріятную бесѣду возможно дольше, но, имѣя въ виду возможное и скорое появленіе косолапаго, осторожно замѣтилъ, что пора занимать мѣста.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, заботливо подсаживаемый чухонцемъ, полѣзъ я на лабазъ, который немного примирилъ меня съ моимъ положеніемъ, такъ

какъ онъ былъ на сажень отъ земли. «Если медвѣдь полѣзетъ ко мнѣ, то тѣмъ лучше, думалъ я, — ужъ я тутъ его попотчую», и, представивъ себѣ, какъ я буду его потчевать, приставивши дуло ружья въ упоръ къ его головѣ, сталъ усаживаться поудобнѣе на лабазѣ, сдѣланномъ между высокихъ и тонкихъ осинъ. Иванъ тоже уже усѣлся на лабазѣ, вправо отъ меня, шагахъ въ восьмидесяти, на другой сторонѣ нивы.

— Такъ смотри же, когда услышишь выстрѣлъ, то сейчасъ же приѣзжай! повторилъ я чуть ли не десятый разъ одну и ту же фразу, желая, главнымъ образомъ, подольше задержать чухонца. Но, къ сожалѣнію, другого запаса фразъ для этой цѣли у меня больше не находилось, и чухонецъ, вскочивъ въ тарантасъ, задрезжалъ назадъ.

Мы остались одни. Глуше и глуше раздавался стукъ колесъ тарантаса; вотъ стукнуло гдѣ-то далеко, еще разъ, еще — и все смолкло, и я сталъ слышать только стукъ собственнаго сердца, начавшаго постукивать довольно подозрительнымъ образомъ.

Впрочемъ, усѣвшись такъ высоко, я ужъ началъ подумывать о медвѣдѣ довольно-таки смѣло и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и лелѣялъ надежду, что съ такимъ же относительно спокойнымъ духомъ и встрѣчу косолапаго. Но темнѣло все больше и больше, и скоро лабазъ Ивана совсѣмъ скрылся въ темнотѣ, и только въ томъ мѣстѣ чуть бѣлѣлъ стволъ березы. Вмѣстѣ съ темнотой участились и удары сердца, довольно-таки не двусмысленно трепетавшаго, какъ будто старавшагося оторваться отъ своего насиженнаго мѣста и спрятаться въ какое-либо другое, болѣе укромное и безопасное, и считавшаго таковымъ, по всей видимости, мой животъ, такъ какъ постоянно порывалось туда. И напрасно разсудокъ говорилъ, что бояться нечего, что опасности не можетъ быть никакой и что медвѣдь какъ медвѣдь, все равно, какъ въ зоологическомъ саду, но только на волѣ; но такія разсужденія мало дѣйствовали на сердце, продолжавшее трепетать попрежнему.

Налетѣлъ легкій вѣтерокъ, жалобно заскрипѣли осины и забили листьями. Ужасно глупые листья у этихъ осинъ — висятъ, какъ плети, и чуть-что — бьютъ другъ о друга, какъ въ ладоши. По всему лѣсу промчался этотъ звукъ и опять стихло. Господи, вотъ положеніе, думалъ я, пристально вглядываясь въ бѣлесоватое овсяное поле, по которому, отъ напряженія, заходили передъ глазами цвѣтные круги. И зачѣмъ я только поѣхалъ? Ужасно нужно. Медвѣжатины что ли захотѣлъ? А если бы медвѣдь заѣлъ человѣка — вотъ бы всполошились! Царя природы да медвѣдь съѣлъ! И медвѣди могли бы быть царями природы — стоило бы только, когда ихъ было больше, чѣмъ людей, переѣсть ихъ всѣхъ — и баста. Кто знаетъ, можетъ-быть, и они цивилизовались бы. Почему онъ знаетъ, для кого посѣянъ овесъ, и если хочешь съять, то сѣй, гдѣ всѣ люди сѣютъ, а не на моемъ мѣстѣ. Ночему это

твое мѣсто, а не мое? Вотъ тебѣ на! Мнѣ нужно запастись жиромъ на зиму, и ѣмъ овесъ. Очень нужно ѣсть клюкву и бруснику, когда есть овесъ. Да и тебя бы съѣлъ, коли бы попался. А вѣдь, пожалуй, заломалъ бы? Думаетъ ли онъ встрѣтить тутъ двухъ господъ охотниковъ. Врядъ ли думаетъ. Идетъ себѣ съ легкимъ сердцемъ, какъ на прогулку и съ семьей не попрощавшись. Впрочемъ, какая у него семья? Наплодилъ и кончено! Медвѣдица дѣло другое — водить, пока въ медвѣди не выведетъ, а тогда прощай — живи, какъ знаешь, денегъ не нужно, всего вволю, ѣшь — не хочу, а зимой спи. Хорошо быть медвѣдемъ, только я бы на овесъ не ходилъ. Ну его! А задалъ бы я ходу, особенно господамъ охотникамъ: подошелъ бы такъ тихонько къ лабазу, да и потрясъ бы его. А, можетъ-быть, медвѣдь ужъ и стоитъ гдѣ-нибудь по близости и смотритъ на меня? Отъ одного такого предположенія сердце дернулось внизъ, послѣ чего на сцену тотчасъ выступили мураши и забѣгали по всему моему тѣлу. Еле-еле, осторожно повернулъ я голову налѣво, но тамъ, кромѣ корявыхъ стволовъ осинъ, ничего не было видно. Не позади ли онъ? Что если онъ позади? Все равно глядѣть не стоитъ... «Не выстрѣлить ли лучше?!» вдругъ мелькнуло у меня въ головѣ; медвѣдь если тутъ, или гдѣ-нибудь недалеко, услышитъ и убѣжитъ, и мы можемъ отправиться домой. Ивану же скажу, что стрѣлялъ по медвѣдю, да темно, и промахнулся...

И я ужъ хотѣлъ-было привести мысль свою въ исполненіе, но тутъ явилась откуда-то невѣдомая совѣсть и помѣшала. Наблюдательными людьми замѣчено, что эта госпожа является всегда невпопадъ: когда ее нужно — ее какъ разъ нѣтъ, и наоборотъ. «Что-то Иванъ — труситъ, или нѣтъ?» продолжалъ думать я и взглянулъ по его направленію: съ той стороны небо стало свѣтлѣть; очевидно, взошелъ мѣсяць, и все поле стало подергиваться бѣловатымъ налетомъ. «Слава Богу, хоть взошла луна, — все-таки не такъ жутко», успокаивалъ я себя, но сердце рѣшительно не раздѣляло этого мнѣнія относительно луны и колотилось попрежнему. Напрасно я растиралъ грудь, прикладывалъ руку къ сердцу, оно начинало биться еще хуже. «Нѣтъ, нужно постараться не думать о медвѣдѣ, какъ будто я не тутъ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ»; но мысли, несмотря на все мое стараніе, не желали идти въ другое мѣсто и упорно продолжали вертѣться на медвѣдѣ, какъ будто это былъ ихъ излюбленный предметъ. «А говорятъ, что человѣкъ совершенное существо, съ злобой подумалъ я: — какое къ чорту совершенные? Ну, къ чему тутъ сердце? къ чему? Ну, любовь, тамъ, куда ни шло, сердце, пожалуй, и нужно, а здѣсь его зачѣмъ? Или хоть бы летать могъ — то ли дѣло — промахнулся по медвѣдю, взлетѣлъ и пари надъ нимъ, и пускай выстрѣлъ за выстрѣломъ. Впрочемъ, пожалуй, хорошо и то, что медвѣдь не можетъ летать, а то не особенно-то пріятно быть нахлобученнымъ такой машиной.

Вдругъ опять налетѣлъ вѣтеръ и опять заскрипѣли и захлопали въ ладоши осины, а мѣсяць поднялся ужъ почти къ самымъ верхушкамъ деревъ, постоянно кутаясь въ легкія, полупрозрачныя облака, набѣгавшія на него. Все поле было въ матовомъ неровномъ полусвѣтѣ, рябило въ глазахъ и не позволяло ясно видѣть. Вдругъ что-то хрустнуло... медвѣдь?.. нѣтъ... Это просто сучекъ упалъ... Я съ трудомъ перевелъ дыханіе. Мнѣ нужно успокоиться, такъ невозможно, заставляю себя думать о другомъ... Ишь сколько звѣздъ, и навѣрное тамъ живутъ люди, и напрасно думаютъ, что только есть всего одинъ міръ, наша земля; вотъ видите ли — все создано для нашего удовольствія... Какъ бы не такъ, не больно ли много мы о себѣ думаемъ? а тамъ навѣрное живутъ, и навѣрное умнѣе насъ уже по одному тому, что врядъ ли тамъ сыщется такой дуракъ, какъ я, который, вмѣсто того, что бы сидѣть въ семьѣ, за вкуснымъ ужиномъ, въ теплѣ, сидитъ по доброй волѣ, какъ сычъ какой, въ лѣсу и поджидаетъ медвѣдя неизвѣстно для чего.

О, Господи, опять медвѣдь! Сердце стало приводить меня окончательно въ отчаяніе. Врядъ ли даже можно было сосчитать, сколько ударовъ дѣлаетъ оно въ минуту. Съ тайнымъ страхомъ прислушивался я къ его біенію. Эдакъ оно, пожалуй, еще и разорвется. Этого только не доставало. Скажутъ, умерь отъ страха, еще не дождавшись медвѣдя. Нечего сказать, очень пріятно. Да и подѣломъ. Не лѣзь. Нѣтъ, нужно что-нибудь предпринять. Постараться ни о чемъ не думать. Не постараться ли заснуть? Ну его, медвѣдя, пусть ѣсть овесъ, сколько влѣзетъ. Лучше заснуть.

Съ этимъ благимъ намѣреніемъ я плотнѣе запахнулся въ армякъ, съежился, поерзалъ плечами, взглянулъ напоследокъ мелькомъ на ниву... въ поясницѣ поднялась невыносимая боль, сердце куда-то совсѣмъ ушло, глаза затуманились влагой, а руки такъ и впились въ ружье: въ восьми-десяти шагахъ, прямо передо мной, стоялъ медвѣдь. Онъ явился какъ-то сразу, сразу весь, какъ будто кто его выдвинулъ изъ лѣсу — похоже на то, какъ выдвигаютъ изъ-за кулисъ театра декорацію. Ни звука, ни шороха передъ его появленіемъ.

Еще мгновеніе и боль въ поясницѣ унялась, сердце стало биться спокойнѣе, жуткости ужъ не было и только былъ страхъ, но другой страхъ, что медвѣдь замѣтитъ меня и уйдетъ раньше времени. Что-то кровожадное поднялось во мнѣ: казалось, я самъ сталъ дѣлаться звѣремъ. Я потихоньку сталъ поднимать ружье на попрежнему стоявшаго ко мнѣ бокомъ медвѣдя, но стволы сливались съ его фигурой и нечего было думать попасть. Вдругъ медвѣдь поднялся на дыбки, покачиваясь оглядѣлся по сторонамъ и опустил въ овесъ. Онъ какъ будто купался въ немъ, то поднимаясь, то опускаясь и приближаясь къ лабазу Ивана.

«Экій счастливецъ Иванъ!» съ завистью думалъ я. — «Видить ли онъ только медвѣдя?»

Медвѣдь опять поднялся на дыбки и круто повернулся ко мнѣ, потомъ остановился и засосалъ овесъ. Ясно слышно было его чмоканье. Дрожь за дрожью пробѣгали по моему тѣлу, руки дрожали отъ напряженія держать ружье, которымъ я не выпускалъ медвѣдя изъ стволовъ: я то прицѣливался, то опять отставлялъ.

Но, что это? Не увидѣлъ ли медвѣдь Ивана? Зачѣмъ онъ устоялъ на его лабазъ? И не успѣлъ я отвѣтить себѣ, какъ медвѣдь, наискоски меня и Ивана, быстро пустился въ лѣсъ и въ то же мгновеніе огненная полоса прорѣзала темноту съ лабаза Ивана и грянулъ выстрѣлъ.

И опять все тихо. Вдругъ вой, протяжный и глухой вой, пронесся по всему лѣсу и, то ослабѣвая, то опять усиливаясь, продолжалъ раздаваться.

Я весь дрожалъ.

Мнѣ казалось, что медвѣдь воетъ и стонетъ гдѣ-то далеко въ лѣсу. Значить, раненъ, подумалъ я.

— Иванъ, ты его ранилъ? крикнулъ я.

Но отъ Ивана не послѣдовало никакого ответа.

— Ранилъ ты его, Иванъ? Слышишь ли? Отвѣчай!

И только на этотъ окрикъ раздался глухой голосъ Ивана, какъ будто подавленный событіемъ, которое случилось.

— Нѣтъ, онъ лежитъ передо мной. Онъ тутъ.

— Шевелится?

— Нѣтъ, лежитъ какъ пластъ, только стонетъ

— Стрѣляй еще!

Опять огненная полоса прорѣзала воздухъ, но медвѣдь продолжалъ выть и стонать попрежнему.

— Экій ты какой. Слышитъ ли чухна выстрѣлы? И, приподнявъ ружье кверху, я выстрѣлилъ на случай, если чухонецъ не слыхалъ первыхъ выстрѣловъ.

— Вѣдь нужно его добить! Что такъ-то? Нужно слѣзть!

Но ни я, ни онъ не слѣзали и продолжали подъ ревъ медвѣдя переговариваться о томъ, что нужно сдѣлать, пока не послышался стукъ подѣзжавшаго тарантаса. Тогда мы живо слѣзли и ужъ втроемъ подошли къ медвѣдю.

Косолапый лежалъ безъ движенія и такъ жалобно мычалъ и стоналъ, что я искренно былъ радъ, что не я убилъ медвѣдя.

ПЬЕСА ВЪ ПЬЕСѢ
СЦЕНА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Авторъ.

Жена его.

Пріятель ихъ.

Сцена представляетъ аванъ-ложу въ театрѣ. Направо дверь въ ложу, налѣво въ коридоръ театра. Прямо у стѣны диванъ, столъ и зеркало.

ЯВЛЕНІЕ I.

АВТОРЪ и его ЖЕНА.

Авторъ ходитъ въ волненіи, жена стоитъ передъ зеркаломъ и поправляетъ прическу.

АВТОРЪ.

Знаешь что?.. я лучше поѣду. Право, поѣду. Чортъ ли тутъ? Пьеса навѣрное провалится, навѣрное!

ЖЕНА.

Полно тебѣ. Съ чего ты взялъ? Мнѣ кажется напротивъ, да и самъ ты говорилъ...

АВТОРЪ [перебивая].

Мало ли что я говорилъ. А теперь мнѣ кажется наоборотъ — и не кажется, а я прямо увѣренъ, что пьеса провалится... это какъ пить дать! И нечего тебѣ меня успокаивать... Успѣхъ!.. Держи карманъ. Одинъ этотъ Любомудровъ чего стоитъ, а объ остальной братіи и говорить нечего.

ЖЕНА.

Вѣдь ты былъ на репетиціи...

АВТОРЪ.

Ну да, былъ, а ты не была, — слѣдовательно, и нечего тебѣ говорить.

ЖЕНА.

Тебя, право, не поймешь — то говоришь одно, то другое; то репетировали хорошо, то нѣтъ.

АВТОРЪ.

Ахъ, ничего ты этого не понимаешь и ничего я этого не говорилъ!

ЖЕНА [садится на диванъ и просматриваетъ афишу].

Какъ не говорилъ?

АВТОРЪ.

Ну да, не говорилъ. Я говорилъ, что недурно, а теперь, какъ вспомню, то не только недурно, а совсѣмъ скверно. Вотъ и все... Воображаю только, какъ онъ будетъ играть дожа. Если онъ будетъ играть такъ же, какъ на репетиціи, то прошу покорно... Ходить, махаетъ руками, какъ посыльный [представляетъ]. У городского болѣе величественный видъ, чѣмъ у него.

ЖЕНА.

Такъ ты бы ему сказалъ.

АВТОРЪ.

Поди поговори съ ними... Все они знаютъ, кромѣ того, что нужно знать. Нѣтъ, я, право, поѣду — не уговаривай лучше! А ты мнѣ черезъ кого-нибудь дай знать, какъ идетъ пьеса. Я, можетъ-быть, потомъ приѣду.

ЖЕНА.

Да подожди! Дай хоть занавѣси-то подняться. Ну, чего ты волнуешься спозаранку?

АВТОРЪ.

Волнуешься!.. Поневолѣ будешь волноваться. Знаю я ихъ: натянулъ на ноги трико и думаетъ, что онъ уже венеціанецъ! Хороши венеціанцы — нечего сказать! А этотъ Жилинъ! Это что-то непостижимое. Посмотрю, какъ это онъ въ любви будетъ объясняться! Что онъ смыслить въ любви? Вѣдь это такая морда, что врядъ ли когда въ жизни приходилось ему объясняться въ любви! А вѣдь воображаетъ себѣ! ухъ, какъ воображаетъ! Подумаешь, что и дѣйствительно онъ въ любви собаку съѣлъ, да не одну, а ещё со щенятами. А вѣдь просто морда! О, Господи! Нѣтъ, лучше плюнуть и уѣхать. [смотритъ на часы]. И чего они тянутъ? Чего не начинаютъ? Одинъ бы конецъ.

ЖЕНА.

Да полно тебѣ.

АВТОРЪ.

И къ чему я только написалъ? Къ какому шути?.. Нѣтъ, какъ же, ужасно нужно было написать. Необходимо! Драматургъ, подумаешь, какой!.. А теперь расхлебывай. Хорошо еще, что у насъ нѣтъ обыкновенія закидывать автора гнилыми яблоками и всякой дрянью. И все ты виновата! Все ты!

ЖЕНА.

Я-то при чемъ?! Вотъ это мило!

АВТОРЪ.

При чемъ! Пиши да пиши! У тебя талантъ. Талантъ!.. Желалъ бы я знать, въ чемъ это у меня талантъ? Откуда онъ взялся? Вотъ и написалъ на свою голову... Тебѣ-то, понятно, все равно. Тебѣ до мужа ни малѣйшаго дѣла нѣтъ. Былъ бы только Викторъ Ивановичъ — вмѣстѣ съ нимъ и смѣяться надо мной будете. Знаю я тебя. Пусть мужа дуракомъ ругаютъ. Вѣдь это такъ смѣшно! По крайней мѣрѣ, мы съ Викторомъ Ивановичемъ посмѣемся.

ЖЕНА [порывисто встаетъ съ дивана].

Ты сегодня съ этой пьесой, кажется, окончательно взбѣсился? При чемъ тутъ я? При чемъ Викторъ Ивановичъ?.. Не понимаю. Тебѣ, должно-быть, хочется разыграть тутъ сцену? Этого только недоставало.

АВТОРЪ.

Ахъ, скажите, пожалуйста! Вы думаете, я ничего не вижу!.. Слава Богу, глаза есть.

ЖЕНА.

Да что ты видишь? Что?

АВТОРЪ.

А почему это, позвольте спросить, когда вы встрѣчаетесь со всѣми нашими знакомыми мужчинами, вы держитесь просто, какъ и слѣдуетъ, а чуть завидите Виктора Ивановича, то сейчасъ же вспыхнете, краснѣете? Отчего это? Просто такъ, да? Такъ и повѣрю!

ЖЕНА.

Какъ тебѣ не стыдно? Какъ тебѣ не стыдно только?

АВТОРЪ.

Ничуть не стыдно, потому что это правда.

ЖЕНА.

Нѣтъ, видно съ тобой не сговоришь!

[Уходитъ въ ложу].

АВТОРЪ [одинъ].

Не сговоришь!.. Всѣ вы таковы.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРІЯТЕЛЬ [входитъ, останавливается и слегка хлопаетъ въ ладоши].

Автора! автора! автора!

АВТОРЪ.

А, это ты? Да ну тебя! Я сейчасъ поѣду домой.

ПРІЯТЕЛЬ.

Вотъ такъ! Развѣ что забылъ?

АВТОРЪ.

Ничего не забылъ, а увѣренъ, что пьеса провалится. Вотъ и все. И провалится самымъ торжественнымъ образомъ. Это какъ пить дать.

ПРІЯТЕЛЬ.

Ей-Богу, ты мнѣ надоѣлъ. Только отъ тебѣ и слышишь: «провалится да провалится». Да почему провалится? Вѣдь не я одинъ, а всѣ, кто только читалъ твою пьесу, говорили, что она должна имѣть успѣхъ, и будетъ имѣть.

АВТОРЪ [мрачно].

Говорили! Мало ли что говорили и говорятъ.

ПРІЯТЕЛЬ.

Экій ты какой! Вотъ погоди — тебя даже послѣ перваго дѣйствія вызовутъ. У тебя тамъ есть очень эффектная сцена. Вотъ помяни мое слово. [Слышна музыка, которая продолжается во все время ихъ разговора и замолкаетъ, когда Пріятель входитъ въ ложу]. Ну, пойдёмъ! сейчасъ начнется. А Вѣра Ивановна въ ложѣ?

АВТОРЪ.

Такъ ты думаешь, что пьеса ничего?

ПРІЯТЕЛЬ.

Да пойдѣмъ!

АВТОРЪ.

Нѣтъ, подожди... Я, право, не знаю... въ головѣ какой-то туманъ. Я лучше послѣ...

ПРІЯТЕЛЬ.

Да стыдись, точно маленькій какой!

АВТОРЪ.

Нѣтъ, иди одинъ... Тамъ жена... Я послѣ... послѣ...

ПРІЯТЕЛЬ.

Да ты сбѣжишь!

АВТОРЪ.

Нѣтъ, иди... мнѣ нужно успокоиться... ты видишь, я не могу... я буду тутъ... иди!

ПРІЯТЕЛЬ.

Ну, какъ знаешь... А то, право, пойдѣмъ!

[Авторъ нетерпѣливо машетъ рукой. Пріятель уходитъ въ ложу. Авторъ въ волненіи ходитъ по сценѣ, каждый разъ останавливаясь у двери ложи и прислушиваясь].

АВТОРЪ [одинъ].

Началось?!.. Началось! [Затыкаетъ уши и въ изнеможеніи бросается ничкомъ на диванъ и лежитъ мгновеніе неподвижно, потомъ вскакиваетъ, подходит и слушаетъ]. Выползли проклятые венеціанцы... выползли... «Сеноръ»! дуракъ! Почему не «синьоръ»? Думаетъ венеціанецъ, такъ высокимъ слогомъ... О, Господи... нѣтъ, трико рѣшительно портитъ людей: чуть натянулъ и весь умъ сейчасъ переходитъ въ ноги. [Отскакиваетъ отъ двери]. Что онъ дѣлаетъ, что онъ дѣлаетъ?!.. Нѣтъ, это ужасно! Такъ и играетъ ногами — кому нужны его ноги? Публикѣ, что ли? Вѣдь долженъ же онъ понять, что публика — тоже венеціанцы и что вся публика въ трико. Что же онъ хвастается?! [подходитъ

опять къ двери, гдѣ, постоявъ, опять отскакиваетъ, роется въ карманахъ, вытаскиваетъ папиросу и закуриваетъ]. Впрочемъ, тутъ курить нельзя... я забылъ... да, нельзя [тушить папироску и опять вытаскиваетъ новую, закуриваетъ и подходитъ къ двери]. Эхъ! [отскакиваетъ отъ двери]. Развѣ такъ можно? Развѣ можно такъ?.. Это не то, не то... Совсѣмъ не то! Эхъ, Господи! [садится на диванъ, ерошитъ волосы. мотаешь головой; потомъ опять вскакиваетъ, подходитъ къ двери, смотритъ, слушаетъ и полушопотомъ зоветъ]. Викторъ Ивановичъ! а Викторъ Ивановичъ!.. Поди сюда! [Отходитъ отъ двери].

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРІЯТЕЛЬ [показываяеъ въ дверяхъ].

Ну, чего тебѣ? Иди въ ложу.

АВТОРЪ.

Я не могу смотрѣть. Просто не могу! Поди скажи ему, что такъ играть нельзя... Это безобразно... Развѣ это дождь? Ну, скажи мнѣ, развѣ это дождь? Я ему крикну «дурака», ей-Богу, крикну.

ПРІЯТЕЛЬ.

Фу, ты, право! Да успокойся, пятьсотъ разъ тебѣ говорятъ. Играютъ отлично.

АВТОРЪ.

Не могу, не могу! [пріятель еще нѣкоторое время смотритъ на бѣгающаго въ безпокойствѣ Автора, пожимаетъ плечами и уходитъ въ ложу]. Нѣтъ, это просто наказаніе. Они меня уморятъ! [садится на диванъ, слышатся возгласы: «браво, браво!» Авторъ срывается съ мѣста и бросается къ двери]. А... недурно, недурно!.. Хорошо, хорошо!.. Такъ, такъ!.. [дѣлаетъ жестъ въ воздухъ и довольно громко]. Браво! браво! [въ ложѣ слышно движеніе. Авторъ прикрываетъ дверь и на цыпочкахъ перебѣгаетъ къ зеркалу, поправляется, шаритъ у себя въ карманахъ и вообще нервничаетъ. Потомъ опять пріоткрываетъ двери и зоветъ]. Вѣра!.. а Вѣра!.. на минутку!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЖЕНА.

Ты мѣшаешь слушать. Ну, что тебѣ нужно? На нашу ложу и то ужъ начинаютъ обращать вниманіе. Что такое?

АВТОРЪ.

Ну, извини, извини! Какъ по-твоему? Вѣдь, правда, не дурно? А? Я даже не ожидалъ.

ЖЕНА.

Я же тебѣ говорила. Довольно тебѣ тутъ! Пойдемъ въ ложу.

АВТОРЪ.

Такъ ничего, по-твоему?.. Какъ-то теперь они проведутъ сцену? Знаешь это мѣсто? [Жена порывается уйти]. Подожди, подожди минутку! Такъ недурно, ты говоришь?

ЖЕНА.

Ахъ, какой ты несносный, право! Долго ли ты будешь тутъ сидѣть? Пойдемъ! [Авторъ, не обращая на нее вниманія, ходитъ по сценѣ]. Идешь или нѣтъ?.. Ну, какъ хочешь! Я пойду. [Идетъ къ двери].

АВТОРЪ.

Подожди! Ну, что публика? Какъ? не скучаетъ? [Жена машетъ рукою и уходитъ въ ложу]. Ну, извини, извини! Слава Богу! Какъ гора съ плечъ! Слава Богу, слава Богу! Да! Впрочемъ, что же это я! [Подходитъ къ двери]. Не такъ, не такъ! [Притоптываетъ ногой и дѣлаетъ кругообразное движеніе рукой]. Не такъ же, я говорю. Развѣ это жестъ? Нужно вотъ такъ сдѣлать! [Отставляетъ ногу и грозитъ кулакомъ]. Вѣдь говорилъ, нѣтъ, нужно по-своему. Что за народъ! [Ходитъ по сценѣ; вдругъ, прислушиваясь, опять подбѣгаетъ къ двери]. Ну, завизжала, закричала... О, Господи! Нѣтъ, я сойду съ ума, ей-Богу, сойду! Привыкла дома визжать, и тутъ. Все испортила проклятая баба! Все! [Поднимаетъ калошу и съ сердцемъ бросаетъ объ полъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРІЯТЕЛЬ [высунувъ голову].

Послушай! это изъ рукъ вонъ! Чего ты шумишь? Рядомъ въ ложахъ начинаютъ смѣяться. Ей-Богу, ты ведешь себя невозможно!

АВТОРЪ [безнадежно махая рукой].

Когда я не могу! Я говорилъ, что мнѣ нужно уѣхать. Нѣтъ, оставайся... Кажется, у меня сейчасъ разрывъ сердца будетъ.

ПРІЯТЕЛЬ.

Да не кричи хотя! Фу, ты, какой странный человекъ! [Скрывается въ ложѣ].

АВТОРЪ [одинъ].

Впрочемъ, все равно. Пропадай все. Мнѣ совершенно безразлично. Тѣфу! [Садится на диванъ, закладываетъ руки въ карманы и начинаетъ напѣвать. Потомъ встаетъ и съ заложенными же руками подходитъ къ двери]. Играйте, играйте! Мнѣ все равно. Лай хоть по-собачьи. Мнѣ совершенно безразлично. Венеціанка нѣжная! Догаресса! Вотъ такъ, вотъ такъ! Еще, еще, голубушка. Ну, превосходно, превосходно! [Отскакиваетъ отъ двери]. Тѣфу! возмутительная баба! Вѣдь существуютъ же такія на свѣтѣ. Вотъ ужъ не ожидалъ... Нѣтъ, это послѣдній разъ, первый и послѣдній разъ! Нужно быть идиотомъ, чтобы писать драмы изъ венеціанской жизни. Это Оекла, чистокровная Оекла! Безъ всякой подмѣси. Возму и уѣду — самое лучшее. [Подходитъ къ столу и начинаетъ одѣвать перчатки]. Ну ихъ къ шуту! Очень нужно волноваться! [Подходитъ къ двери и зоветъ]. Вѣра! а Вѣра! [Машетъ къ себѣ рукой]. На минутку... Я уѣзжаю, у-ѣ-з-ж-а-ю! [Отходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЖЕНА.

Послушай, когда же это кончится?

АВТОРЪ.

А вотъ сейчасъ. Я уѣзжаю и, пожалуйста, не уговаривай. Что тамъ происходитъ, просто невозможно. Ты видишь, я теперь спокоенъ и отношусь совершенно хладнокровно... совершенно... и ясно вижу, что все проваливается.

ЖЕНА [стоя у двери].

Да гдѣ ты видишь? Съ чего ты взялъ? Самъ не знаешь, что только выдумать.

АВТОРЪ.

Я ничего не выдумываю и позволь мнѣ, какъ автору, судить объ этомъ. Пьеса дрянъ и игра дрянъ. И если ты этого не видишь, то только удивляюсь. Ты, конечно, оставайся, а я-то ужъ уѣду. [Начинаетъ надѣвать пальто].

ЖЕНА.

Совершенно напрасно! Потомъ самъ будешь сожалѣть. Послушай меня и иди въ ложу. Я не понимаю, чего еще тебѣ нужно? Пьеса идетъ отлично.

АВТОРЪ.

Идетъ отлично!.. Знаю я, что идетъ отлично.

ЖЕНА.

Опять? Что же это такое? Намекъ?

АВТОРЪ.

Думай, что хочешь.

ЖЕНА.

Ты просто отравляешь всякое удовольствіе. Съ тобой невозможно разговаривать. [Въ волненіи проходитъ нѣсколько шаговъ по сценѣ]. Ну, дѣлай, какъ знаешь, ты не маленькій. Но, пожалуйста, больше не зови — я не выйду; своими постоянными вызовами ты только ставишь въ неловкое положеніе. [Медленно направляется къ ложѣ]. А самое лучшее: снимай пальто и пойдемъ. [Опять подходитъ къ нему и мѣшаетъ застегивать пальто].

АВТОРЪ.

Оставь, пожалуйста!

ЖЕНА.

Да довольно тебѣ.

АВТОРЪ.

Я говорю тебѣ: оставь! Я тебѣ, кажется, не мѣшаю.

ЖЕНА.

Нѣтъ, мѣшаешь, мѣшаешь! Мѣшаешь слушать, глупый ты человѣкъ. [Продолжаетъ мѣшать ему застегиваться].

АВТОРЪ.

Не всѣмъ быть умниками! [Продолжаетъ вырываться]. Оставь же! [Сильно дергаетъ и вырывается].

ЖЕНА [нѣкоторое время стоитъ молча].

Ну, какъ хочешь, а возиться съ тобой мнѣ некогда, да и не представляетъ ни малѣйшаго удовольствія. Только если ты уѣдешь, это будетъ глупо и больше ничего. [Круто поворачивается и идетъ въ ложу].

АВТОРЪ [торопливо].

Объ этомъ могла бы и не говорить — всѣмъ и каждому извѣстно, что возиться со своими собственными мужьями совершенно не интересно! То ли дѣло съ посторонними. [При послѣднихъ словахъ жена останавливается и полуоборачивается]. Что-жъ ты не идешь? Ступай, ступай! Спѣши! Больше не потревожу. [Хотя онъ уже совершенно одѣтъ, но дѣлаетъ видъ, что что-то ищетъ, безъ чего не можетъ уйти]. Наслаждайся... пьесой!..

ЖЕНА.

Не выдумашь ли еще чего-нибудь?

АВТОРЪ.

Больше ничего!.. Я только знаю одно, что будь на моемъ мѣстѣ кто-нибудь другой, хоть Викторъ Ивановичъ, то... то... впрочемъ, довольно. [Быстро идетъ къ выходной двери].

ЖЕНА.

Договаривай, договаривай! То что?

АВТОРЪ.

Сама знаешь что! [Открываетъ дверь и уходитъ сильно хлопнувъ ею]

ЯВЛЕНИЕ VII.

ЖЕНА [одна].

Нѣтъ, это просто невыносимо. Какой-то невозможнѣйшій человѣкъ. [Нервно стучить въ дверь ложи вѣеромъ]. Только и себя, и другихъ мучить.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПРІЯТЕЛЬ выходитъ изъ ложи.

ЖЕНА.

Послушайте, уговорите хоть вы его. Меня онъ не слушаетъ! Догоните, верните его! [Въ волненіи садится на диванъ].

ПРІЯТЕЛЬ.

Ушелъ-таки! Ну, ужъ! Экій несообразный человѣкъ! [Быстро направляется къ дверямъ, гдѣ сталкивается съ возвратившимся Авторомъ].

ЯВЛЕНИЕ IX.

АВТОРЪ [быстро подходитъ къ столу и не обращаетъ никакого вниманія на окружающихъ].

Гдѣ это? [Ищетъ глазами и шарить руками и въ то же время искоса поглядываетъ на жену]. Куда это за пропастилось? [Роетъ и раскидываетъ вещи на столѣ]. Всегда это навалено, навалено, ничего не разберешь... Всегда это у насъ такъ. [Къ женѣ, которая не отвѣчаетъ и сидитъ попрежнему]. Ты не видѣла? [Во все время этой сцены Пріятель ходитъ около него, повторяя: «Илья Петровичъ, а Илья Петровичъ! Послушайте! Илья Петровичъ!»].

ПРІЯТЕЛЬ.

Да послушай же, наконецъ! Илья Петровичъ! А я-то думаю, что они тамъ запропастились? Да довольно тебѣ искать. Послушай меня.

АВТОРЪ [не глядя на него].

Ну, что тебѣ? Ну, что такое нужно?

ПРІЯТЕЛЬ.

Да довольно тебѣ бѣситься. Ну, хорошо ли это? Смотри, Вѣру Ивановну чуть до слезъ не довелъ. Ну, что ты сердишься? Скажи ты мнѣ на милость! Пьеса идетъ отлично, а ты...

АВТОРЪ [перебивая и опять дѣлая видъ, что что-то ищетъ].

А я только прошу оставить меня въ покоѣ. Оставьте меня въ покоѣ, пожалуйста... Кажется, я не мѣшаю никому и только одного прошу — оставить меня въ покоѣ... Кажется, это не трудно.

ПРІЯТЕЛЬ.

Да пойми ты...

АВТОРЪ [перебивая].

Я вамъ не мѣшаю слушать. Что вы тутъ сидите, ступайте въ ложу, и только опять прошу — оставить меня въ покоѣ.

ПРІЯТЕЛЬ [пожимая плечами].

Фу, ты, какой! [Помолчавъ] Вѣра Ивановна, пойдете!.. [Жена продолжаетъ молча сидѣть, а Авторъ то ходитъ по сценѣ, то поднимаетъ разныя вещи, какъ бы что ищетъ]. Ахъ, ты господи! [Машетъ рукой и уходитъ въ ложу].

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же безъ ПРІЯТЕЛЯ.

АВТОРЪ.

Что-жъ ты не идешь?

ЖЕНА.

И уѣду, уѣду! Оставайся со своимъ Викторомъ Ивановичемъ.

АВТОРЪ.

Съ моимъ? Не съ твоимъ ли?.. Позвала, чтобы уговорить... такъ и повѣрю. Глаза-то у меня есть. Какъ будто я не видѣлъ, какъ ты обрадовалась тому, что я ухожу.

ЖЕНА [продолжая одѣвать калоши].

Говори, что хочешь!

АВТОРЪ.

Видите ли, сама не могла уговорить. Понадобилась помощь. Захотѣла бы, такъ уговорила.

ЖЕНА.

Я развѣ тебя не уговаривала? Не уговаривала? Нѣтъ?! [Становится передъ зеркаломъ и начинаетъ надѣвать шляпу].

АВТОРЪ [продолжая ходить по сценѣ].

Уговаривала! Такъ не уговариваютъ.

ЖЕНА.

Не на колѣна ли становиться передъ тобой? Ну, ужъ этого не дождешься!

АВТОРЪ.

Такъ ты хочешь уѣхать?

ЖЕНА.

Какъ видишь.

АВТОРЪ.

Очень хорошо!.. Такъ и я уѣду. Пусть Викторъ Ивановичъ остается одинъ. Что-жъ, очень вѣжливо будетъ. Очень! Еще подумаетъ Богъ знаетъ что, что изъ-за него. Очень пріятно, нечего сказать.

ЖЕНА.

Я тебя не зову съ собой. Можешь остаться. А что подумаетъ — мнѣ дѣла нѣтъ.

АВТОРЪ.

Я знаю, что тебѣ дѣла нѣтъ. Пусть думаютъ о твоёмъ мужѣ что угодно, тебѣ горя мало.

ЖЕНА.

Подай мнѣ ротонду. Самъ виновать!

АВТОРЪ.

Глупо дѣлаешь, больше ничего. [Слышны возгласы: «браво, браво!». Авторъ подходитъ къ двери, смотритъ и слушаетъ]. Очень хорошо... Отлично!

ЖЕНА.

Что-жъ ты? Дай ротонду.

АВТОРЪ [про себя].

Разошелся, отлично играетъ.

ЖЕНА [накидывая на себя ротонду].

Ну, я сама.

АВТОРЪ

[Во время послѣдующей сцены то подходитъ къ женѣ, то къ дверямъ, за которыми время-отъ-времени слышны возгласы браво, браво!]. Совершенно напрасно, совершенно напрасно. И что я такое особенное сказалъ? Совершенно не понимаю.

ЖЕНА.

А я не понимаю, чего тебѣ еще особеннаго нужно. Достаточно и того, что я слышала, и больше слышать не желаю.

АВТОРЪ [стоя у двери].

Да что я сказалъ, что я сказалъ? [Смотрить въ дверь]. Отлично, отлично! [Къ женѣ]. Напрасно уѣзжаешь, ей-Богу, напрасно!

ЖЕНА.

Этъ ужъ мое дѣло.

АВТОРЪ.

Знаю, что твое дѣло, но только... но только я совершенно не желаю лишать тебя удовольствія... Посмотри — отлично играетъ. [Отходить отъ двери].

ЖЕНА.

Удовольствіе, приправленное оскорбленіями! Тебѣ-то какъ съ гуся вода, ну, а я не могу относиться къ этому равнодушно.

АВТОРЪ.

Ну, довольно, подожди. Ну, чѣмъ я тебя оскорбилъ? Право же... [Бросается въ двери].

ЖЕНА.

Еще спрашиваетъ?! Такъ ты остаешься? Прощай! [Дѣлаетъ движеніе къ дверямъ].

АВТОРЪ.

Ахъ, ей-Богу! Ну, зачѣмъ это? зачѣмъ? [Хватаетъ ее за ротонду]. Ну, останься! Ну, прости! Довольно тебѣ. Подожди минутку. [Бросается къ дверямъ и опять къ женѣ]. Ну, что я сказалъ въ самомъ дѣлѣ? О, Господи! Ну, довольно. Ну, хочешь Я на колѣни встану. [Дѣлаетъ движеніе, чтобы встать на колѣни, но при возгласѣ за сценой «браво!» бросается къ дверямъ]. Подожди, Я сейчасъ! [Опять подходитъ къ женѣ]. Ну, сними ротонду. Да я помогу... Извини меня... Иди въ ложу... Сейчасъ кончится... Прости меня... Ну, пожалуйста! [Цѣлуетъ руку]. Ей-ей, больше не буду.

ЖЕНА.

Ты всегда такъ. Какъ только тебѣ не стыдно? Я вѣдь тебя отлично знаю. Потомъ опять за старое примешься.

АВТОРЪ.

Нѣтъ, увидишь, больше не буду. Ты только не сердись. Не сердишься? Ну, прости меня! Знаешь, отлично играетъ. Сейчасъ конецъ. Такъ ты не сердись

только. Ты сама видишь... А, что это?.. Занавѣсъ спускается. [Бросается къ двери. За сценой слышны возгласы «браво!» п время-отъ-временн «автора!», все усиливающіеся и усиливающіеся]. Вызываютъ... что это такое? Вѣра! [Бросается къ женѣ].

ЖЕНА.

Вотъ видишь, я тебѣ говорила.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПРІЯТЕЛЬ [входитъ].

Автора, автора! Вѣра Ивановна, автора! Поздравляю! Извольте-ка вылѣзть!

АВТОРЪ [въ волпеніи].

Да ЭТО ТЫ кричалъ. [Хватаетъ жену за руку]. Вѣра, ты не сердисься?

ЖЕНА

и

ПРІЯТЕЛЬ

[вместе]

[Вырывая руку] Да не сержусь, пусти!

Ну вотъ я? И я кричалъ! А теперь развѣ не слышишь?

АВТОРЪ.

Я, право, не знаю... подожди, Вѣра... развѣ хорошо играли? Да ты первый крикнулъ — и подхватили...

ПРІЯТЕЛЬ.

Даними пальто сначала. [Стаскиваетъ пальто съ него].

АВТОРЪ.

Вѣра, какъ ты думаешь? Ей-Богу, я не знаю, а? Ты только не сердись.

ЖЕНА

и

ПРІЯТЕЛЬ

[вместе]

[Направляясь къ ложѣ]. Да довольно тебѣ. Иди же.

Пойдемъ, нехорошо заставлятъ себя ждать. [Беретъ его за плечо].

АВТОРЪ.

Пусти... нѣтъ, подожди! Такъ идти, развѣ, Вѣра?

ПРІЯТЕЛЬ.

Да перестань упрямиться. [Подталкиваетъ его къ двери].Слышишь, вѣдь?
Пойдемъ.

ЖЕНА.

Да довольно тобѣ, иди! Я пойду въ ложу.

АВТОРЪ.

Ты только не сердись... О, Господи! Развѣ нужно идти?.. Ей-Богу, какъ-то неловко. Право, лучше потомъ... а то я, право, не знаю. Да это, можетъ-быть, только такъ...

ПРІЯТЕЛЬ.

Да иди же, право! Ну, и человѣкъ! Я на мѣстѣ Вѣры Ивановны давно бы бросилъ тебя.

ЖЕНА.

Да онъ и стоитъ того. Ну, иди скорѣй! Слышишь, какъ вызываютъ.
[Проходятъ въ ложу].

АВТОРЪ.

Право, не знаю... зачѣмъ идти-то!.. подожди немного, Вѣра!

ПРІЯТЕЛЬ [который къ этому времени подвелъ Автора къ выходнымъ дверямъ].

Она въ ложѣ. Иди же иди! [Уводитъ его].

ЗАНАВѢСЪ.

OCR: Андрей Дуглас